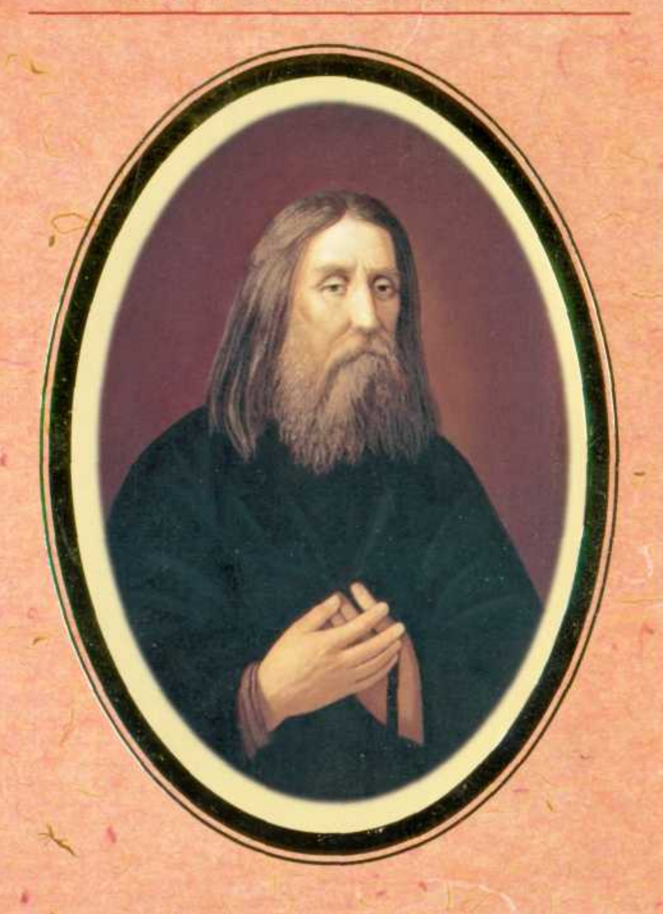
Преподобный

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

ПОУЧЕНИЕ О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

Поучение преподобного Серафима Саровского о молитве Иисусовой

Локид-Пресс и Патмос
Москва • 2007

Напечатано
по благословению
Преосвященного **Лавра**,
Архиепископа Сиракузского
и Троицкого

Поучение Преподобного Серафима Саровского о молитве Иисусовой.
М., 2007

(извлечено из жития сего св. отца
издания 3. Москва 1851 г.)

ISBN 978-5-98601-045-8

Вы, которые желаете узреть велелепное явление Божественного света Спасителя *нашего Иисуса Христа,* которые пренебесный огнь сердечно ощутить хотите; которые тщитесь опытом и чувством удостовериться в примирении с Богом; которые, чтобы найти и приобрести сокровище на поле сердец ваших сокровенное, оставили все мирское; которые вознамерились отныне светло возжечь светильники душевные и все настоящее отринули; которые разумением и опытом Царствие небесное, внутри вас находящееся, познать и получить ищете! Приидите, преподам вам науку вечной, небесной жизни, или, лучше, способ, по которому действующий без труда и утомления вводится в пристанище бесстрастия и который не подвержен никакому обману или возмущению от бесов, кроме того случая, когда мы далеко вне жизни, в которую вас ввожу, по не-

послушанию блуждаем, подобно как и Адам некогда, презрев заповедь Божию, подружась со змием и возомнив, что он верен, до пресыщения напитан от него плодом прельщения и таким образом во глубину смерти, мрака и тления бедственно себя и всех потомков своих низринул. Итак, допустите возводить себя, или, истиннее сказать, возвратимся, братия, к себе самим, отвращаясь совета змииного и кружения в вещах, влекомых к земле. Ибо примирения и союза с Богом не иначе мы можем достигнуть, разве когда прежде, употребляя все усилия, возвратимся к себе, или, лучше, войдем в себя, устраняясь от коловращения мира и суетного попечения, а держась неослабно Царствия внутри нас сущего. Дело необычайное! Потому жизнь монашеская и называется искусством искусств и наукою наук*. Ибо сие преподобие не сии тленные вещи приносит нам, чтобы мы ум наш, низводя от лучших,

---

* В деле художественного упражнения в молитве Иисусовой некоторые не успевали и тем подвергали нареканию и самое учение о нем. Главное преткновение в подвиге сего умного делания бывает от того, что иные, или не имея опытного наставника, или по самочинию, вступают на него не по разуму блаженных учителей, преподавших правила сего умного художества. В общежитии нельзя иметь одно правило с живущими в отшельничестве или уединении, и начинающие подвиг не могут совершать течение на уровне

в них погребали, но обещает нам дивные некие и неизреченные блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Также и *брань наша несть к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего* (Еф. 6, 12). Если же настоящий век есть тьма, тогда бежим от него; а бежать должно мыслью. Ничего да не будет у нас общего с врагом Божиим: *иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает* (Иак. 4, 4); а сделавшемуся врагом Божиим кто поможет? Для того ста-

---

с теми, которые довольно преуспели в нем. Правила молитвы Иисусовой определяются и местом жительства, и свойством, и состоянием упражняющегося, и даже временем. Общее в них только то, что всякий везде и во всякое время необходимо должен заниматься сим делом. Ибо Иисус Христос есть *путь, и истина, и живот* (Ин. 14, 6). Некоторые из предлагаемых здесь наставлений о умной молитве Иисусовой писаны Отцами не для всех вообще, но для разных обителей и частных лиц, особенно те, которые касаются внешнего делания. То есть молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», — есть необходимое условие вечного живота и блаженства; но как соделать, чтобы эта молитва была непрестанным и досмертным дыханием нашим, — этому и Св. Писание и Отцы научают нас различным образом. Предлагаемые здесь наставления Отцов не должно принимать за правила непреложные. Это — совет отеческий, как легче преуспеть в деле. Пользоваться ими должно с рассуждением. В чем да поможет и нам Господь наш Иисус Христос!

нем подражать отцам нашим и поищем, как они, сокровища внутри сердец наших и, обретши оное, да держим крепко, *делая* вместе *и храня* (Быт. 2, 15), ибо к сему мы определены в начале. Если же явится другой Никодим, и станет спорить о сем, и скажет: как может кто войти в сердце и там делать или жить? подобно как и тот возразил Спасителю: *како может человек родитися стар сый; еда может второе внити во утробу матере своея, и родитися?* (Ин. 3, 4). Таковый да слышит и ныне, что *дух, идеже хощет, дышет* (Ин. 3, 8). И если мы с таким неверием сомневаемся о предметах деятельности, как достигнем области созерцания? Ибо лествица к созерцанию есть деятельность.

Один брат спросил авву Агафона, говоря: «Скажи мне, авва, что больше – телесный труд, или хранение внутренности?» Авва ответствовал: человек подобен древу; телесный труд есть листья, а хранение внутренности есть плод. Как, по словам Писания, *всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и во огнь вметаемо* (Мф. 3, 10), то очевидно, что все наше старание должно быть о плодах, то есть о хранении ума. Однако для покрова и украшения надобны и листья, которые суть телесный труд.

Чудно, какой приговор произнес святой сей на всех, не имеющих хранения ума, а хвалящихся одною деятельностью, сказав, что всяко *древо, еже не творит плода,* то есть хранения ума, а имеющее одни листья, то есть деятельность, *посекаемо бывает, и во огнь вметаемо.* Страшно решение твое, Отче!

Итак, если хочешь иметь внутри собственный светильник умного света духовного познания, чтобы ты мог непреткновенно ходить в глубочайшей ночи сего мира и чтобы, по пророческому изречению, от Господа управляемы были стопы твои, да крепко возжелаешь пути (см. Пс. 36, 23) евангельского, то есть да восхощешь с пламенною верою чрез желание и молитву сделаться причастником совершенных евангельских заповедей Господних, то я показываю тебе удивительный способ и изобретение духовного искусства, требующее не телесного труда или подвига, но духовного труда, ума и внимательной мысли, вспомоществуемой страхом и любовью к Богу. Сим искусством тебе будет удобно прогнать полчище врагов. Итак, если хочешь одержать победу над страстями, то молитвою и помощью Божиею войди в самого себя; проникни во глубину сердца; преследуй сих трех сильных исполинов: забвение, леность и неведение, которые

составляют подкрепление мысленных иноплеменников, чрез которые прочие злые страсти входят, действуют, живут и усиливаются в душах любосластных. Чрез великую внимательность и напряжение ума, с вышнею помощью найдя неведомое многим, ты возможешь таким образом, при великой тщательности и молитве, избавиться от злых исполинов. Ибо усердием к истинному познанию, к памятованию Слова Божия и к доброму согласию, если таковое усердие действом благодати прилежно возбуждается и тщательно сохраняется в сердце, изглаживаются в нем следы забвения, неведения и лености. (***Никифор Монах,*** **о трезвении и хранении сердца**)

Некоторый брат именем Иоанн приступил к святому и великому отцу Филимону и, падши к ногам его, говорил: «Что мне делать, отче, чтобы спастись? вижу, что ум мой блуждает и парит там и здесь, где не должно». Преподобный Филимон, немного помолчав, сказал: «Сей недуг происходит от внешних вещей и остается в тебе потому, что ты еще не имеешь совершенной любви к Богу, ибо еще не получил теплоты любви и познания Его». Брат говорит: «Что же мне делать?» Сказал (Филимон): «Иди и имей сокровенное в сердце твоем поучение, которое

может ум твой очистить от сего». Брат, не уразумев сказанного, потому что был неопытен, сказал старцу: «Отче, что значит сокровенное поучение?» И сказал ему (старец): «Иди, бодрствуй в сердце твоем и говори в мысли твоей трезвенно, со страхом и трепетом: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. И Блаженный Диадох так учил новоначальных». Брат, отшедши от него и, содействием Божиим и молитвами отца, пребывая в безмолвии, немного усладился в таковом занятии. Но скоро он ослабел и не мог трезвенно исполнять сего и молиться; опять пришел к старцу и сказал ему о случившемся. Старец отвечал ему: «Вот ты уже узнал стезю безмолвия и делания и испытал сладость, от сего происходящую, содержи же постоянно в сердце твоем сие: ешь ли, пьешь ли, беседуешь ли с кем, находишься ли вне келлии или на пути, не оставляй трезвенною мыслью и умом непрельщенным молиться сею молитвою и петь и поучаться в молитвах и псалмах так, чтобы и в самой крайней нужде твоей ум твой не был празден, но сокровенно поучался и молился. Ибо чрез сие ты возможешь уразуметь глубины Божественного Писания и сокровенную в нем силу и дать уму непрестанное делание, дабы исполнилось апостольское слово, говорящее:

Непрестанно молитеся (1 Сол. 5, 17). Итак, внимай прилежно и храни сердце твое, чтобы оно не принимало лукавых или каких-нибудь суетных и бесполезных помыслов. Но всегда — спишь ли, встаешь ли, ешь ли, пьешь ли, беседуешь ли — сердце твое сокровенно в мысли должно то поучаться во псалмах, то молиться так: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. И еще: когда поёшь языком, смотри, чтобы не говорить одного устами, а к другому уноситься мыслью». (***Добротолюбие***, **ч. 4, л. 121**)

Молю вас, братие, говорит Златоуст, правило молитвы никогда не забывайте и не оставляйте. Слышал я некогда отцов, говоривших: каков тот инок, который забудет или оставит сие правило. Но ест ли он, пьет ли, сидит ли, служит ли, путешествует ли или что другое делает, должен непрестанно взывать: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, — дабы памятование о имени Господа нашего Иисуса Христа раздражало на брань врага. Ибо душа, нудящаяся памятью, может обрести все, как злое, так и доброе, и может увидеть внутри сердца своего сперва злое, а потом и доброе. Ибо память сия может подвигнуть змия, и память сия может смирить его; память сия может обличить живущий в нас грех, и память сия мо-

жет потребить его; память сия может подвигнуть в сердце всю силу вражию, и память сия может победить ее, так что имя Господа Иисуса, нисходя во глубину сердца, смиряет змия, владеющего пажитями, душу же спасает и оживотворяет. Итак, непрестанно содержи в памяти имя Господа Иисуса так, чтобы сердце поглотило Господа и Господь сердце; и оба были воедино. Впрочем, дело сие совершается не в один день или в два, но в продолжение многих лет и многого времени, ибо требует многого подвига и времени, чтобы изгнан был враг и вселился Христос. И еще: должно утверждать и устроивать ум и всякий помысл и всякое лукавое действие низлагать призыванием Господа нашего Иисуса Христа, и где стоит тело, там должен быть и ум, дабы посреди Бога и сердца не было ничего другого, как средостение или преграда, заслоняющая сердце и отлучающая ум от Бога. Если же когда ум и восхитится, то не должно коснеть в помыслах, чтобы соглашение с помыслами не вменилось тебе в дело в день Суда пред Господом, когда Бог будет судить тайная человеков. Итак, непрестанно трудитесь и пребывайте в Господе Боге вашем, дондеже ущедрит вы. И ничего иного не ищите, кроме милости от Господа славы; а ища милости, ищите со смиренным

и умиленным сердцем и от утра до вечера и, если возможно, то и во всю ночь, взывайте: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. И понуждайте ум ваш на это дело даже до смерти, ибо дело это требует многого подвига, потому что *узкая врата, и тесный путь вводяй в живот* (Мф. 7, 14), *и нуждницы восхищают е* (11, 12), ибо Царствие Небесное принадлежит нудящимся. Итак, умоляю вас, не отлучайте сердец ваших от Бога, но прилежно храните их с непрестанною памятью Господа нашего Иисуса Христа, доколе не водрузится имя Господне внутрь сердца вашего, и ни о чем другом не помышляйте кроме того, чтобы возвеличился в вас Христос. (***Каллист. и Игнат.*** **О безмолвии и молитве, гл. 49**)

Ум наш, когда памятованием о Боге заградим ему все исходы, непременно требует от нас занятия, которое бы удовлетворяло его деятельности. Итак надлежит давать ему только: Господи Иисусе, чтобы он это единственно имел ввиду. Ибо сказано: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Но он должен смотреть на изречение сие в сокровенностях своих так неуклонно, чтобы не мог обратиться к каким-либо мечтаниям. Ибо те, которые непрестанно занимаются сим святым и слав-

ным именем во глубине сердца, могут иногда видеть и свет ума своего. Оно, когда мысль держит его неослабным памятованием, попаляет очень ощутительно скверну, входящую в душу. Ибо *Бог наш огнь поядаяй есть* (Евр. 12, 29). Посему Господь призывает душу к великому почитанию славы Его. Ибо сие славное и многовожделенное имя, когда памятованием ума долго содержится в теплоте сердца, производит в нас навык любить благость Его без всякого уже препятствия. И сие-то есть тот бисер многоценный, который может стяжать всякий, продав все имение свое, и о приобретении которого может радоваться радостью неизреченною. (***Диадох*, гл. 59**)

Душа, по смерти возлетев на воздух во врата небесные и имея с собою – близ себя Иисуса, не усрамится врагов и там, но как теперь, так и тогда во вратах сих будет говорить со врагами дерзновенно. Только до исхода своего да не утомится взывать ко Господу Иисусу Христу, Сыну Божию, день и ночь, – и Христос непременно отмстит за нее вскоре, по неложному и Божественному обещанию Своему, которое дал Он касательно неправедного судии. Ей, говорю вам, отмстит за нее и в настоящей жизни, и по исходе ее из тела. (***Исих.*, гл. 149**)

Память об Иисусе да соединится с дыханием твоим, и тогда познаешь пользу безмолвия. (***Иоан. Листв.*, степ. 27**)

Таковые священные и боготворные сей молитвы слова таинственно преподаны не только богомудрыми отцами, но и прежде них самими первоверховными апостолами – Петром, Павлом и Иоанном. Один говорит: *никтоже можешь рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3); другой: *благодать же и истина Иисус Христом бысть* (Ин. 1, 17); также: *всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть* (1 Ин. 4, 2); избранный же ученик Христов на вопрос Спасителя и Учителя к самим апостолам: *кого Мя глаголют человецы быти?* – представляя блаженнейшее исповедание, отвечал: *Ты еси Христос, Сын Бога живаго* (Мф. **16**, 13, 16). Посему и после них бывшие, и наши славные наставники, особенно же проводившие жизнь уединенную, пустынную и безмолвную, слова сии, в разных местах и почастно тремя оными столпами Святой Церкви возвещенные как Божественные гласы, по откровению Духом Святым предузаконенные и тремя достоверными свидетелями свидетельствованные, по слову Писания: Да *при устех двою или триех свидетелей*

станет всяк глагол (Мф. 18, 16), сии небомудренные (Отцы), собрав воедино и содействием живущего в них Святаго Духа прекрасно приведши в един состав, назвали их столпом молитвы и предали ученикам своим для блюдения и хранения. Итак, смотри на порядок и преемственность предивную с высшею премудростью. Ибо один именует Господа Иисуса, другой Иисуса Христа, иной же Христа, Сына Божия, как бы последуя один за другим и идя близ друг друга согласием и союзом сих Богодейственных словес. Ибо можешь видеть, что каждое из сих выражений, находящееся на конце одного изречения, поставляется в начале другого и таким образом доходит до трех. И сие предложили Отцы всем не сами собою, но будучи движимы дланию Пресвятаго Духа. И исповедание божественнейшего Петра, произнесенное по откровению, внушено ему было действием Святаго Духа. *Вся бо,* сказано, *действует един и тойжде Дух, разделяя властью коемуждо, якоже хощет* (1 Кор. 12, 11). И таким образом сия боготворная молитва, как треплетеная и нерасторжимая вервь, премудро и разумно истканная и сшитая и составленная, напоследок во всей целости дошла до нас. Впрочем, речение: *Помилуй мя* к спасительным словам молитвы, то есть

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, присоединили и присовокупили божественные Отцы последующих времен наипаче для младенственнейших по добродетели, то есть для новоначальных и несовершенных. Преуспевшие же и совершенные о Христе довольствуются одним которым-либо из сих Божественных речений, то есть или *Господи Иисусе*, или *Иисусе Христе*, или *Христе, Сыне Божий*, и даже одним *Иисусе*, и, как всецелое делание молитвы, речение сие объемлют и лобызают, исполняясь от того неизреченною и всякий ум и всякое видение и слух превосходящей сладостью и радостью; и таким образом сии треблаженные, бывая вне плоти и мира и соединяя чувства по причине вселяющегося в них Божественного дара и благодати, исступительно и блаженно объятые любовью, очищаются, и просвещаются, и совершаются, ибо хотя неясно, но как в части залога, как в зерцале, отныне созерцают преестественную пресущественного Божества и безначальную и несозданную благодать и, довольствуясь одною памятью и поучением, как сказано, в одном котором-либо из упомянутых наименований Богочеловека Слова, оттого возносятся в неизреченные восхищения и соединения и откровения. Для полного извещения и яснейшего уверения в

сем сладчайший и душелюбивый Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, Коего слова суть дела и глаголы, по Его изречению, дух суть и живот, весьма ясно изрек: *яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5); *И еже аще что просите от Отца о имени Моем, то сотворю;* и еще: *аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю* (14, 13–14) и проч. (***Каллис. и Игн.*, гл. 50**)

Глава всякого тщания благого и верх всякого преуспеяния есть твердое пребывание в молитве, которою с прошением можно стяжать от Бога и прочие добродетели. Ибо чрез нее достойные приобщаются святости Божией и получают начало духовное действо и соединение ума с Господом неизреченною любовью, ибо понуждающий себя пребывать в молитве духовною любовью возгорается в наслаждение божественное и в желание пламенное зреть Бога и в известной мере получает благодать освятительного совершенства. (***Макар. Египетс.* Бесед. 40**)

Молитва, по качеству, есть сопребывание и соединение человека и Бога, по действу же — мира утверждение, Бога примирение, слез матерь и вместе дщерь, умилостивление за грехи, мост в искушениях, преграда скорбей, сокрушение браней, делание ан-

гельское, пища всех бесплотных, будущее веселие, бесконечное делание, источник добродетелей, виновница дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, секира отчаянию, указание надежды, решение печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, умаление ярости, зерцало преуспеяния, мира явление, устроения изъявление, возвеститель будущего, печать славы. Молитва есть воистину молящемуся судилище и Престол судища Господень прежде будущего Престола. (***Иоан. Леств.*, ст. 28, о молит.**)

Молитва новоначальных есть как бы огнь веселия, от сердца исходящий. Молитва же совершенных — как свет, изливающий благоухание. Или также: молитва есть проповедание апостолов, действие веры, или, лучше, непосредственная вера, осуществление надежды, явление любви, ангельское движение, сила бесплотных, занятие и веселие их, благовествование Божие, удостоверение сердца, надежда спасения, печать освящения, доказательство святости, познание Бога, явление Крещения, баня очищения, залог Духа Святаго, радость Иисуса, веселие души, милосердие Боже, знак примирения, печать Христова, луч умного солнца, заря сердец, утверждение христианства, явление

примирения Божия, Божия благодать, Божия премудрость, или, лучше, начало самой премудрости, явление Бога, занятие монахов, жизнь безмолвников, вина безмолвия, свидетельство ангельской жизни. (***Григор. Синаит.*** **Весьма полезн. главы о разных духовн. предметах., гл. 113**)

Сия Божественная молитва, говорит блаженный Симеон, архиепископ Фессалонитский, Спаса нашего призывание: *Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя* – есть и молитва, и моление, и исповедание веры, и Духа Святаго подательница, и даров Божественных дарователь, и очищение сердца, и изгнание бесов, и веселие Иисус Христово, и духовных мыслей и помыслов божественных источник, и от грехов избавление, душ и телес врачевание, Божественного просвещения податель, милости Божией источник, откровений и тайн Божественных смиренным дарователь, и самое спасение, потому что носит в себе и спасительное имя Бога нашего, которое есть самое на нас нареченное имя Иисуса Христа, Сына Божия (гл. 296).

Не может корабль плыть многие поприща без воды, и блюдение ума нимало не может продолжаться без трезвения со смирением и непрестанною молитвою Иисус Хри-

стовою. Основание храмины составляют камни; а основание и верх сей добродетели есть святое и поклоняемое имя Господа нашего Иисуса Христа. Скоро потерпит кораблекрушение неискусный кормчий, если во время бури отгонит корабельников, весла и кормило бросит в пучину, а сам будет спать, но еще скорее погибнет душа от бесов, если вознерадит о трезвении и призывании имени Иисус Христова в самом начале их приражений. Что знаю, то и пишу, и что видел я, проходя оным путем, о том свидетельствую вам, если желаете принять, что говорю. Сам Господь сказал: *аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет, и собирают ю, и во огнъ влагают, и сгарает;* и: *иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. **15**, 6, 5). Как не можно воссиять солнцу без света, так нельзя очиститься сердцу от скверных губительных помыслов без молитвы Иисусова имени. Если же это истинно, как я думаю, то соединим имя Иисусово с дыханием нашим. Ибо оно есть свет, а те (помыслы) тьма; оно — Бог и Владыка, а те — рабы бесов. Хранение ума свойственно и достоименно назвать должно светородным, молниеродным, светоиспускательным и огненосным. Ибо оно, поистине

сказать, превосходит бесконечно многие телесные добродетели. Посему и должно называть сию добродетель таковыми честными именами по причине рождающегося от нее светозарного света. Возлюбив ее, грешники из непотребных и мерзких и неразумных, несмысленных и неправедных могут содělаться о Иисусе Христе праведными, благопотребными, чистыми, святыми и смысленными, и мало того, — могут и тайны видеть, и богословствовать, и, будучи прозрительны, к пречистому и беспредельному свету сему преплывают, касаются его неизреченными прикосновениями, и с ним живут и пребывают, потому что вкусили, яко *благ Господь*, так что в сих первоангелах явно исполняется слово божественного Давида: *обаче праведнии исповедятся имени Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим* (Пс. 139, 14). Ибо, действительно, они одни истинно призывают Бога и исповедаются Ему. (***Исих.*, гл. 168–171**)

Начало всякого боголюбезного делания есть призывание с верою спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа, ибо Он сказал: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Призыванием с верою имени Господа нашего Иисуса Христа несомненно надеемся получить милость и истинный живот, в Нем сокровенный, потому что внутрь серд-

ца чисто призываемое имя Господа Иисуса Христа источает сие, как другой приснотекущий Божественный источник (***Калл. и Игн.*, гл. 8 и 9**).

Двумя способами приобретается действо Духа, которое таинственно прияли мы в Крещении, и вообще исполнением заповедей, многим трудом и временем дар сей открывается, и поколику исполняем заповеди, потолику яснее Он воссиявает нам Свою зарю; во-вторых, художественным и чистым призыванием Господа Иисуса, то есть памятью о Боге, является в повиновении. От первого жительства приобретается медленнее, от второго же скорее, посредством навыка, чрез болезненное и терпеливое копание земли и отыскивание золота. (***Григ. Син.*, гл. 3. о безмолвии и молитве**)

Три образа молитвы и внимания, которыми душа или возвышается и преуспевает, или низвергается, и если каждый из сих трех образов употребляет она в свое время как следует, то преуспевает; а если употребляет их без рассуждения и безвременно, то низвергается. Итак, внимание так же тесно и неразлучно должно быть соединено с молитвою, как неразлучно связано тело с душою, и одно без другой быть не может. Внимание

должно предварять и как некий страж наблюдать за врагами; и оно первое должно подвизаться против греха и противостоять входящим в сердце лукавым помыслам; а за вниманием должна следовать молитва, которая тотчас потребляет и умерщвляет все те лукавые помыслы, с которыми наперед вело брань внимание, потому что оно одно умертвить их не может. И от этой брани внимания и молитвы зависит живот и смерть души, ибо если вниманием храним молитву чистую, то преуспеваем, а если не тщимся хранить ее чистою, но оставляем без охранения, то оскверняется она лукавыми помыслами и мы делаемся непотребными и остаемся без успеха. Поелику же, как сказали мы, три образа внимания и молитвы, то надобно объяснить и свойства каждого образа, дабы желающий спасения мог избрать лучшее, а не худшее.

Свойства первого образа таковы: если кто, стоя на молитве, возводит к небу руки свои, и очи, и ум и воображает в уме своем Божественные советы, небесные блага, чины святых ангелов и обители святых и вообще все слышанное им в Божественном Писании собирает в ум свой, размышляет о том во время молитвы, зрит на небо и возбуждает в душе своей желание и любовь Божествен-

ную, иногда проливает слезы и плачет; и таким образом сердце его мало-помалу надмевается, а сам того не разумеет, но воображает, что совершаемое им происходит от благодати Божией к его утешению, и молит Бога, да сподобит его пребыть ему в таковом делании. Это признак прелести; потому что доброе не добро, если совершается не добрым порядком и не как должно. И посему такой человек, если и безмолвствовать будет совершенным безмолвием, подвергается опасности лишиться ума и безумствовать. Да если сего и не случится с ним, то невозможно ему никогда достигнуть истинного ведения и добродетели или бесстрастия. Так прельстились те, которые видели свет и сияние очами телесными, обоняли благовоние своим обонянием и своими ушами слышали гласы и другое подобное сему. И одни из них возбесновались и в помешательстве ума ходили с места на место; другие приняли явившегося им беса, преобразившегося в светлого ангела, и прельстились, и остались неисправленными даже до конца, не принимая совета ни от одного брата; иные из них, подущаемые диаволом, сами себя убили, иные в стремнины низверглись, иные удавились. И кто может высказать различные прельщения диавола, которыми прельщает

он? Это необъяснимо. Впрочем, из того, что сказали мы выше, всякий разумный человек может научиться, какой вред происходит от сего первого образа внимания и молитвы. Если же кому из употребляющих сей образ и случится не потерпеть ни одного из показанных нами бедствий ради сожительствования с братиею (потому что бедствия сии бывают наипаче с отшельниками), — то таковый всю жизнь свою проводит без успеха.

Второй образ внимания и молитвы таков: когда кто собирает ум свой в себя, отвлекая его от всего чувственного, хранит чувства свои и собирает все помыслы свои, чтобы не блуждали они в суетных вещах мира сего; иногда испытывает помыслы свои; иногда вникает в слова молитвы, которую произносит; в иное время собирает к себе все помыслы свои, плененные диаволом и обращенные к предметам лукавым и суетным, а в другое — с большим трудом и усилием приходит в себя самого, побуждаемый и обладаемый какою-либо страстью. При таком подвиге и при такой брани внутри себя он не может быть мирен никогда и не может найти времени творить добродетели, чтобы получить венец правды. Потому что таковый подобен сражающемуся со врагами своими ночью, в темноте, который голоса врагов

слышит и раны получает от них, а видеть их ясно не может — кто они, откуда пришли, как и за что воюют против него. Потому что ему препятствуют тьма, находящаяся в уме его, и буря в помыслах его. И он никогда не может освободиться от своих врагов мысленных, чтобы они не сокрушали его. Таковый подъемлет труд, а мзды не получает, потому что скрадывается тщеславием, и, не понимая сего, думает, что он внимателен; часто от гордости презирает других и осуждает их и, по своему мечтанию, считает себя достойным быть пастырем овец и путеводительствовать их и уподобляется слепцу, который берется водить других слепцов.

Это второй образ (внимания и молитвы). И всякий, желающий спастись и внимать себе надлежащим порядком, должен знать вред, какой причиняет он душе. Впрочем, сей второй образ лучше первого так же, как лунная ночь лучше темной, в которую луна не светит.

Третий образ подлинно есть предивная вещь и неудобоизъяснимая, и для не знающих ее не только неудобопостижимая, но и вовсе невероятная. Ибо в настоящие времена сей образ не очень во многих находится. И, как я думаю, приходит к нам сие благо от послушания, потому что послушание, оказы-

ваемое духовному отцу, освобождает всякого от попечения о себе самом. Таковый уже далек от пристрастия к миру сему и есть вполне ревностный и неленивый делатель сего третьего образа, если только найдет учителя и духовного отца — истинного, незаблуждающего, никакой прелести не подлежащего. Потому что он себя и всю печаль свою возложил на Бога и на духовного отца своего и истинным послушанием уже живет не себе, чтобы исполнять волю свою, но умертвил себя для всякого пристрастия мирского и для тела своего. Какою привременною вещью таковый человек может быть побежден и порабощен? Или какую может он иметь печаль и заботу? Сим образом (внимания), происходящим от послушания, исчезают и разрушаются все хитрости бесов и все коварства, которыми ухищряются они увлечь ум ко многим и различным помыслам; и тогда ум сего человека бывает свободен от всего и всеваемые от бесов помыслы испытывает благовременно с великой властью, с великим искусством отгоняет их и чистым сердцем приносит Богу молитвы свои. Это есть начало истинного жития. Неположившие сего начала трудятся напрасно, не разумея того.

Начало сего третьего образа внимания не в том состоит, чтобы взирать на небо, и

воздевать руки свои, и устремлять ум к небесным образам, и оттуда искать помощи, потому что это суть свойства первого образа — прелести; и не в том также, чтобы умом охранять свои чувства и всецелое внимание обращать на сие, а на внутренние брани, производимые врагами на душу, не смотреть и не обращать на них внимания, потому что это суть свойства второго образа и делающий так низлагается от бесов, а сам не низлагает, поражается, а сам не знает того, отводится в плен и порабощается — и не может отмстить пленившим его; а враги явно и тайно воюют на него и делают его тщеславным и самомнительным.

Но ты, возлюбленный, если хочешь спастись, начни сей третий образ так. После совершенного послушания, которое, как мы выше сказали, должно хранить в отношении к духовному отцу, должно и все свои дела делать с чистой совестью, как бы пред лицем Бога, ибо без послушания совесть быть чистой не может никогда; совесть же чистой хранить должно в трех отношениях: во-первых, в отношении к Богу, потом — к духовному твоему отцу и, в-третьих, к другим людям и к вещам.

Обязан ты хранить совесть чистой в отношении к Богу, то есть не делать ничего та-

кого, что, по сознанию твоему, неприятно Богу и неугодно Ему. В отношении к духовному отцу должен ты делать все, что он заповедует тебе, — ни более ни менее, но ходи по наставлению и воле Его. В отношении же к другим людям должен ты хранить совесть чистою тем, чтобы не делать им того, чего сам отвращаешься и не хочешь, чтобы они тебе делали это. И в отношении к вещам ты обязан остерегаться от злоупотребления, то есть должен употреблять все подобающим образом — пищу, питие и одежду и вообще все должен делать как бы пред лицем Бога так, чтобы ни за одно дело не обличала и не терзала тебя совесть твоя, что нехорошо сделал ты; и таким образом проходи истинный и необманчивый путь третьего образа внимания и молитвы, который состоит в том, чтобы ум хранил сердце во время молитвы и постоянно пребывал внутрь его и оттуда, то есть из глубины сердца, воссылал молитвы к Богу; и когда он среди сердца вкусит, якŏ благ Господь, и усладится, то уже не будет исходить из места сердечного и скажет тогда, как и апостол Петр сказал: *добро есть нам зде быти* (Мф. 17, 4); непрестанно будет зреть туда, то есть внутрь сердца, и там обращаться, изобретая способы прогонять все помыслы, вносимые туда врагом диаволом.

Впрочем, для тех, которые не имеют никакого понятия о сем спасительном делании, часто представляется оно весьма трудным и неудобоисполнимым. Но вкусившие заключающейся в нем сладости и насладившиеся сладостью во глубине сердца своего с божественным Павлом скажут: *кто ны разлучит от любве Божия?* и проч. (Рим. 8, 35).

Святые Отцы наши, слыша Господа, глаголющего в священном Евангелии, что *от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы* и что *сия суть сквернящая человека* (Мф. 15, 19–20), и слыша также в другом месте Евангелия, что Он заповедует: *очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее има чисто* (Мф. 23, 26), – оставили всякое другое дело и всеми силами подвизались в этом делании, то есть в хранении сердца, верно зная, что вместе с сим деланием легко приобретут всякую другую добродетель, а без него нельзя приобрести и соблюсти ни одной добродетели. Некоторые из Отцов наших делание сие назвали безмолвием сердечным, другие наименовали вниманием, иные трезвением и противоречием, иные истязанием помыслов и хранением ума. Ибо все они упражнялись в сем и чрез то сподобились божественных дарований.

Об этом говорит и Екклесиаст: *веселися юноше в юности твоей, ... и ходи в путех сердца твоего непорочен,* и удали сердце твое от помышлений (Еккл. 11, 9); и в другом месте: *аще дух владеющаго* (прилог диавола) *взыдет на тя, места твоего не остави* (Еккл. 10, 4); под местом разумеет он сердце. И Господь наш в Священном Евангелии говорит: *не возноситеся* (Лк. 12, 29), то есть не расточайте ума вашего туда и сюда, и в другом месте еще говорит: *блажени нищии духом* (Мф. 5, 3), то есть блаженны те, которые не допустили в сердце свое ни одной мысли мира сего, но нищи всяким мирским помыслом. Все божественные Отцы наши много писали о сем; и кто хочет прочитать писания их, пусть посмотрит, сколько написал Марк Подвижник, и сколько говорили св. Иоанн Лествичник, преподобный Исихий, Филофей Синаит, Авва Исаия, Варсонофий Великий и многие другие.

Вообще: кто не внимает хранению ума своего, тот не может быть чист сердцем и сподобиться зреть Бога. Кто не внимает себе, тот не может быть нищ духом, не может плакать и рыдать, или быть кротким и смиренным, или алкать и жаждать правды, или быть милостивым и миротворцем, или изгнанником правды ради, и вообще скажу:

нельзя приобрести других добродетелей иным образом, как только сим вниманием. Почему паче всего о нем должно заботиться, чтобы опытно уразуметь то, что я говорю тебе. А если хочешь знать и способ, как это делать, то скажу тебе по возможности и о сем, а ты слушай со вниманием

Прежде всего иного потребно тебе хранить три вещи: во-первых, совершенную беспопечительность как о всем благословном, так и о неблагословном и суетном, то есть умерщвление себя в отношении ко всему этому; во-вторых, чистую совесть, как сказали мы выше, чтобы совесть не обличала тебя ни в чем; и, в-третьих, совершенное беспристрастие, чтобы помысл твой не уклонялся в пристрастие ни к одной мирской вещи. После того сядь уединенно в особенном и безмолвном месте, в углу, затвори дверь и собери ум твой от всякой привременной и суетной вещи, потом приклони браду твою к персям и внимай сердцу умом твоим и чувственными очами твоими, приудержи немного дыхание твое и имей там ум твой, старайся мысленно найти место, где находится сердце твое, чтобы там был всецело и ум твой. Сначала найдешь там тьму и глубокую слепоту и жестокость, а после, когда будешь иметь такое внимание

непрестанно день и ночь, обретешь, о чудо, непрестанное веселие, потому что ум, подвизаясь в сем деле, найдет место сердца и тогда тотчас увидит в нем то, чего никогда не видел и не ведал. Ибо увидит обретающийся внутри сердца оный воздух и всего себя светлым и исполненным всякого благоразумия и рассуждения. И с сего времени и впредь, откуда бы ни возник и ни явился какой-либо помысл, прежде нежели войдет он и изобразится, ум тотчас прогоняет его оттуда и истребляет именем Иисусовым, то есть словами: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. И отселе ум человеческий начинает иметь ненависть к бесам и непрестанную против них брань, воздвигает на них ярость естественную, гонит их, биет и истребляет. Прочее же, что обыкновенно случается, узнаешь с помощью Божиею после сего сам опытно, посредством внимания ума твоего и содержа в сердце Иисуса, то есть молитву сию: Господи Иисусе Христе, и проч. Ибо некто из Отцов говорит: сиди в келлии твоей, и она научит тебя всему.

Вопрос: почему первый и второй образы молитвы, о которых сказали мы, не могут произвести сего?

Ответ. Потому что не проходим их как должно. Ибо и св. Иоанн Лествичник сии

три образа молитвы уподобляет лествице о четырех ступенях и говорит: одни укрощают и умаляют страсти, другие поют, то есть молятся устами своими, иные упражняются в умной молитве, а иные восходят к видению. Желающие взойти на сии четыре степени не должны начинать сего схождением сверху вниз, но должны снизу всходить на первую степень, потом на вторую, далее на третью, а после на четвертую. И таким образом всякий может встать от земли и взойти на небо. Итак, прежде всего нужно подвизаться в том, чтобы укротить и умалить страсти; во-вторых, — упражняться в псалмопении, то есть молиться устами, ибо когда страсти умалятся, тогда молитва естественно сообщает веселие и сладость языку и становится благоугодною Богу; в-третьих, — молиться умом; в-четвертых, — восходить к видению. Первое принадлежит новоначальным, второе — возрастающим в преуспеянии, третье — достигшим крайнего преуспеяния, а четвертое — совершенным.

Итак, нет начала другого, как только умаление страстей, которые не умаляются в душе иначе, как только посредством хранения сердца и внимания. Ибо *от сердца исходят*, говорит Владыка наш, *помышления злая.., скверняща человека* (Мф. **15**, 19, 20);

здесь и требуется хранение и внимание. Когда страсти перестанут действовать и ослабнут от брани и сопротивления, которые делало им сердце, тогда ум желает и ищет, как бы примириться с Богом, и потому усиливает молитву и упражняется в ней, и — сим желанием и молитвою укрепляемый, прогоняет все окружавшие его помыслы, которые покушаются войти в сердце, поражая их молитвою. И тогда бывает брань: лукавые бесы ратуют с великим возмущением и действием страстей производят мятеж и бурю в сердце; но именем Иисуса Христа истребляются и погибают, как воск от лица огня. Но и когда будут прогнаны и отойдут от сердца, не успокаиваются, но возмущают ум чрез внешние чувства, отвне. Но тогда ум скоро ощущает в себе тишину и спокойствие. Ибо когда не могут они возмутить ум во глубине, то возмущают его отвне, мечтаниями. Таким образом, невозможно освободиться от брани совершенно и не терпеть нападений от сих злых духов. Ибо это принадлежит совершенным и тем, кои удалились совершенно от всего и всегда заняты сердечным вниманием. Итак, кто проходит сие в порядке, упражняясь каждым делом в свое время, тот, по очищении сердца своего от страстей, может и упражняться всецело в

псалмопении, и противоборствовать помыслам, и взирать на небо чувственными очами (когда будет нужно), умными же очами души зреть оное и молиться чисто, истинно, как должно.

Впрочем, взирать на небо должно весьма редко по страху лукавых воздушных духов, которые потому и называются воздушными духами, что производят в воздухе многие и различные прелести. И посему нам должно быть внимательными. Ибо Бог требует от нас того только, чтобы сердце наше было очищено хранением и вниманием. И *аще корень свят,* как говорит апостол, *то* явно, что *и ветви* и плод святы (Рим. 11, 16). Кто возводит на небо очи свои и ум свой без сего образа, о котором сказали мы, и хочет воображать что-нибудь умственно, тот видит мечты и ложные прелести, а не истинные предметы, потому что сердце его нечисто. Часто, как сказали мы, первый и второй образ не приводят человека в преуспеяние. Ибо как, строя дом, не полагаем сперва верх, а потом основание, потому что это невозможно, но сперва полагаем основание, потом строим дом и наконец полагаем верх, так должно поступать нам и в духовном деле. Сперва должно полагать основание, то есть хранить сердце, и умалять страсти, по-

том созидать духовный дом, то есть отражать возмущения лукавых духов, воюющих на нас чрез чувства, и бежать скорее от брани их и тогда уже полагать верх, то есть совершенно уклоняться от всех вещей, чтобы быть совершенно мирными и тесно соединиться с Богом и таким образом совершить духовный дом о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь. (***Преп. Симеон Нов. Богослов.*** **Слово о трех образах молитвы**)

Внимание (так называет блаженный Никифор умную молитву) одни из свв. Отцов называли хранением ума, другие блюдением сердца, иные трезвением, иные – умным безмолвием или покоем, иные иначе. Все сии названия означают одно и то же. Разумей сие подобно тому, как если бы кто сказал: хлеб, или ломоть, или кусок. Что же есть внимание и какие свойства его, внимай тщательно. Внимание есть признак истинного покаяния, внимание есть воззвание души, ненавидение мира и восхождение к Богу; внимание есть отвержение греха и восприятие добродетели; внимание есть несомнительное доказательство отпущения грехов; внимание есть начало созерцания, или, лучше, основание созерцания. Ибо чрез оное преклоняясь, Бог является уму. Внимание

есть безмолвное состояние ума, или, лучше, неизменность сего состояния, милостью Божиею душе дарованная. Внимание есть низложение помыслов, святилище памятования о Боге и сокровищница терпения в напастях. Внимание есть источник веры, надежды и любви. (***Никифор Монах.* О трезвении и хранении сердца**)

Внимание и молитва, всегда соединяемые вместе, подобно огненной Илииной колеснице, на высоту небесную возносят того, кто в них пребывает. Но что я говорю? Самое чистое сердце человека, преуспевающего в трезвении или старающегося преуспеть в оном, соделывается небом духовным, имеющим солнце, луну и звезды, и бывает вместилищем невместимого Бога чрез таинственное созерцание и приближение к Нему. Итак, кто имеет любовь к Божественной добродетели, тот должен стараться всякую минуту произносить имя Господа и с усердием исполнять слова Его. (***Филоф. Синайск.* Сорок глав о трезвении, гл. 27**)

Трезвение есть художество духовное и, если человек проходит оное долговременно и усердно, при помощи Божией совершенно избавляет его от страстных помыслов и слов и от дел лукавых. Оно дарует твердое разумение непостижимого Бога, сколько постиг-

нуть Его возможно, и объяснение тайн Божественных и сокровенных, исполняет всякую заповедь Ветхого и Нового Завета и подает всякое благо будущего века. Справедливее же, оно есть чистота сердца, которая, по величеству и доброте своей, или, вернее сказать, по нашему нерадению, ныне в монахах весьма оскудевает, но которую Христос ублажает, говоря: *блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Будучи таково, оно и покупается дорого. Трезвение, пребывая в человеке долго, наставляет его к правому и богоугодному житию. Оно есть и восхождение к умосозерцанию и научает нас три части души (мыслительную, вожделевательную и раздражительную) приводить в правильное движение и твердо хранить чувства и в приобщившемся ему ежедневно взращивает четыре главные добродетели (благоразумие, справедливость, умеренность и мужество). Великий законодатель Моисей или Дух Святый, показывая непорочность, чистоту, многообъятность и высокотворность сей добродетели и научая, как должно начинать ее и совершать, говорит: *внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония* (Втор. 15, 9). *Тайным словом* он называет одно мысленное представление чего-нибудь злого, ненавидимого Бо-

гом, — что Отцы называют также прилогом, наводимым на сердце от диавола, за которым, как скоро является он уму, тотчас устремляются наши мысли и страстно с ним сообщаются.

Трезвение есть прохождение всякой добродетели и всякой заповеди Божией. Оно называется и сердечным безмолвием. Оно же есть хранение ума, когда совершается без мысленных образов.

Внимание есть непрестанное сердечное от всякого помысла безмолвие, в котором душа единым Иисусом Христом и Богом всегда, непрерывно и непрестанно дышит и Его призывает; мужественно с ним ополчается на врагов; Ему, единому имеющему власть отпущать грехи, исповедуется; часто тайным призыванием объемлет Христа, единого ведающего сердца; от человеков же таковая душа старается скрывать сладость оного (безмолвия) и внутренний подвиг, чтобы лукавый, подкравшись, не ввел в нее порок и не разрушил прекрасного дела.

Моря составляет множество вод. Так полноту и силу трезвения, воздержания, глубокого безмолвия душевного, бездну созерцаний дивных и сокровенных, рассудительного смирения, правоты и любви составляет крайнее трезвение и молитва к Иисусу без

помыслов, и притом продолжительная, частая и без уныния (ср.: Лк. 18, 1).

Подвизающийся внутренно всякую минуту должен иметь следующие четыре вещи: смирение, крайнее внимание, противоречие (помыслам) и молитву. Смирение, поелику сопротивники его в брани суть гордые демоны, — дабы Христову помощь удержать рукою сердца, ибо Господь ненавидит гордых. Внимание, чтобы не попускать сердцу иметь никакого помысла, хотя бы он и добрым казался. Противоречие, дабы, как скоро усмотрит пришедший (помысл), тотчас со гневом отразить лукавого, как сказано: *и отвещаю поношающим ми слово* (Пс. 118, 42); *не Богу ли повинется душа моя?* (61, 1). Молитву, дабы после противоречия тотчас возопить ко Христу воздыханием неизглаголанным. И тогда сей подвижник увидит врага связанного или гонимого поклоняемым именем Иисуса, как прах ветром или как дым исчезающего с мечтанием своим.

Неопытным полезно знать и то, что врагов бестелесных и невидимых, зложелательных и искусных в причинении зла, скорых и легких, и опытных в брани, которую они ведут от Адама доныне, мы, грубые и телом и умом к земле поникшие, не иным

средством победить можем, как токмо непрестанным трезвением ума и призыванием Иисуса Христа, Бога и Творца нашего. Итак, для неопытных сими средствами да будут молитва к Иисусу Христу и тщательное испытывание и познавание добра; а для искусившихся лучшее средство и учитель есть упражнение, опытность и покой в добре. (***Исих. Пресвитер.*** **О трезв. и молитве, гл. 1, 2, 3, 5, 10, 20 и 42**)

В сем из великих великом деле многие, если не все, успевают преимущественно чрез наставление. Ибо редки те, которые без наставления, усилием собственного упражнения и теплотою веры от Бога получили сие. И потому надлежит искать незаблуждающего наставника, чтобы он, указывая нам встречающееся при внимании одесную и ошуюю, то есть недостатки и излишества, приходящие от лукавого, учил и руководствовал нас, открывая нам искушения, которые сам претерпел, и таким образом несомненно показывал нам сей мысленный путь, и мы бы удобно проходили оным. Если нет наставника, должно искать его усиленно. А если не находишь, то, призвав Бога с сокрушением и слезами и поклонясь Ему с признанием своей бедности, поступи так, как я скажу тебе.

Знаешь ты, что дыхание, которым дышим, есть воздух. Вдыхаем же его в себя не для иного чего, как для сердца; а оно есть начало жизни и теплоты телесной. Итак, сердце привлекает воздух, чтобы чрез издыхание вон испустить свою теплоту, а в себя принять благорастворение. Причина, действующая в сем случае, или, лучше, служитель, есть легкое, которое, будучи создано от Бога редким, как мех, без труда вводит и изводит окружающий воздух. Таким образом сердце, вовлекая воздух холодный, а испуская теплый, ненарушимо соблюдает тот чин, для которого оно устроено в составе животного. Итак, ты, сев в келлии своей безмолвно и собрав ум свой, введи его в ноздренный путь, которым воздух входит в сердце, и повлеки его и понудь вместе со вдыхаемым воздухом сойти в сердце. Когда он войдет туда, после этого не будет тебе ни весело и ни радостно; но как некий муж, отлучившийся из дому своего, когда возвратится, не знает, что и делать от радости, что привелось ему опять увидаться с детьми и женою, так и ум, когда соединится с душою, исполняется несказанной сладости и веселия. Итак, брат, приучай ум нескоро выходить оттуда, ибо сначала не нравится ему сжатие и теснота внутренности, но когда

привыкнет, тогда уже не любит носиться вне: Царствие бо Божие внутрь нас есть, которое он там рассматривая и с чистою молитвою ища его, все внешнее почитает скверным и отвратительным. Надобно же тебе и это знать, что, когда ум твой там находится, тогда он не должен оставаться в молчании и бездействии, но иметь непрестанным делом и занятием сию молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя* и никогда сего не прекращать. Ибо сие, удерживая ум от парения, делает его неприкосновенным и неприступным для нападений врага и со дня на день вводит его в любовь и желание божественное. Так говорит блаженный сей отец (Никифор), имея то предварительное намерение, чтобы ум посредством сего естественного художества от обычного своего блуждания, плена и рассеяния возвратился ко вниманию и посредством внимания возвратился к себе и таким образом соединился с молитвою, потом сошел в сердце, то есть с сею самою молитвою, и в нем пребывал. (***Никифор Монах.*** **О трезв. и хранен. сердца,** и также ***Каллист. и Игнат.*** **О безмолв. и мол., гл. 19**)

Инок, говорит Великий Златоуст, ест ли, пьет ли, сидит ли, служит ли, путешествует ли или другое что делает, должен

непрестанно взывать: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя,* дабы имя Господа Иисуса, сходя во глубину сердца, смирило змия, владеющего пажитями, душу же спасло и оживотворило. Итак, непрестанно пребудь в имени Господа Иисуса, дабы сердце поглотило Господа и Господь сердце и оба были воедино. Не отлучайте от Бога сердца вашего, но будьте тверды и храните его с непрестанным памятованием о Господе нашем Иисусе Христе, доколе водрузится в сердце имя Господне, и ни о чем ином не помышляйте, как только о том, чтобы возвеличился в вас Христос. И Лествичник пишет: память об Иисусе да соединится с дыханием твоим, и тогда познаешь безмолвия пользу. И св. Исихий: если поистине хочешь облечь помыслы стыдом, благодушно безмолвствовать и трезвиться сердцем беструдно, — Иисусова молитва да соединится с дыханием твоим в ноздрях, и в немного дней увидишь это совершающимся.

К предложенным нами свидетельствам великих св. Отцов о том, чтобы чрез ноздренное вдыхание внутрь сердца в Господе нашем Иисусе Христе, Сыне Божием, и в Его святом и спасительном имени молиться, поучаться и трезвиться и от Него искать милости, прилагается и то, чтобы непрестанно,

особенно же в уставленное время молитвы, сидеть желающему трезвиться умом в сердце, наипаче новоначальному, в безмолвном и несветлом углу, как тайноводствуют и заповедуют опытно узнавшие сие всеблаженнейшее делание божественные Отцы и учители, потому что ведение и зрение очей естественно бывает причиною того, что мысль развлекается и рассеивается по зримому и видимому; когда же она будет затворена, как сказано, в безмолвной и темной храмине, тогда перестает парить и развлекаться зримыми и видимыми предметами. Таким образом и ум, хотя и нехотя, успокаивается и собирается в себя, как говорит Василий Великий: ум, не расточаемый по внешнему и не развлекаемый чувствами на мир, к себе возвращается. Но прежде сего, и даже прежде всего, ум совершает таковый подвиг приходящей помощью Божественной благодати, посредством единопомысленного, сердечного, чистого и невыспренного, с верою призывания Господа нашего Иисуса Христа, а не одним простым вышепоказанным естественным художеством чрез ноздренное вдыхание или сидение в спокойном и темном месте. Нет. Это изобретено божественными Отцами не для иного чего, как только в некоторое пособие собранию мысли и возвра-

щению к себе самой от обычного парения к вниманию, как сказали мы выше. От сего рождается и то, что ум молится непрестанно, чисто и не парит вовне, как говорит св. Нил: внимание, ища молитвы, обрящет молитву; ибо за вниманием последует молитва скорее, нежели что другое, о чем должно стараться. Ты же, чадо, хотяй живот, и любяй дни видети благи и жить в теле бестелесно, под таковым живи правилом и весом. (***Калл. и Игнат.***, **гл. 21, 22, 23 и 24**)

В *заутрии сей,* говорит Соломон, *семя твое,* то есть семя молитвы, *и в вечер да не оставляет рука твоя* (Еккл. 11, 6), дабы в промежутке времени молитва не опустила того часа, когда была бы услышана: *яко не веси,* продолжает Соломон, *кое произыдет сие или оно* (Там же). Итак, от утра сидя на седалище, низведи ум от главы в сердце и держи его в нем и, болезненно преклонився с великим трудом персей и рамен и выи, непрестанно взывай в уме или в душе: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя.* Потом, по причине стеснения и болезненности, а может быть усталости от частого повторения (впрочем, это происходит не от частого вкушения одной и той же снеди Триименного), ибо *ядущии Мя,* сказано, *еще взалчут* (Сир. 24, 23),

переводя ум в другую половину, говори: *Сыне Божий, помилуй мя.* И многократно произнося ту и другую половину попеременно, не должно по лености часто переменять оные, ибо не укореняются дерева, часто пересаживаемые. Удерживай же и от дыхания легкого, чтобы не дышать свободно, ибо дохновение воздуха, от сердца восходящее, помрачает ум и рассеивает мысль, а затем, останавливая его (ум), или как пленника предает самозабвению, или неприметно заставляет мыслить о чем-нибудь другом, о чем не следует. Впрочем, если и увидишь нечистоты лукавых духов, то есть возникающие или сменяющиеся помыслы в уме твоем, не убойся; если и добрые представления какихлибо вещей являются тебе, не внимай им, но, сдерживая дыхание, сколько возможно тебе, и ум заключая в сердце, и часто и непрестанно повторяя призывание Господа Иисуса, скоро сокрушишь и истребишь их, невидимо поражая их Божественным именем. Ибо Лествичник говорит: Иисусовым именем бий ратники, несть бо ни единаго крепчайша оружия на небеси и на земли (***Григор. Син.*** **О безмолв., гл. 2**).

Сидеть должно иногда на стульце для труда, а иногда немного времени на постели

для отдохновения. Сидение же твое должно быть с терпением, по слову сказавшего: *в молитве терпите* (Кол. 4, 2), и не скоро вставать по малодушию от тяжкого труда и умного взывания и частого водружения ума. Ибо вот говорит пророк: *объяша, мя болезни аки раждающия* (Иер. 8, 21); но поникши долу и ум собирая в сердце, если сердце твое отверзется, призывай в помощь Господа Иисуса; боля же раменами и много болезнуя главою, терпи сие с трудом и рачением, ищи в сердце Господа, ибо *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Терпение и ожидание во всяком деле соединены с болезнями, телесными и душевными.

Отцы так учили: один говорит: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя,* всё, другой половину: *Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя* – что удобнее по немощи ума, еще младенствующего, ибо никто не может назвать Господа Иисуса тайно без Духа, а (может сделать сие) только Духом Святым, чисто и ясно, немотствуя подобно младенцу и не имея силы произносить сие членораздельно. Не должен же и часто переменять призывания Имен, по лености, но медленно, удержания ради. Другие говорят, что молитву сию должно произносить устами, а иные

учат говорить ее умом. Я говорю и то и другое, ибо иногда изнемогает ум от усталости, а иногда уста. И потому молиться должно обоими — и устами и умом; впрочем, взывать должно спокойно и без всякого возмущения, чтобы голос, выражая чувство, не останавливал и внимания ума, — пока молящийся не привыкнет к делу и не получит от Духа силы молиться крепко. Тогда он не имеет нужды говорить устами, да и не может, довольствуясь делать дело совершенно одним умом (***Григор. Син.*** **О безмолв.**).

По захождении солнца, призвав в помощь преблагого и всесильного Господа Иисуса Христа, сядь на стульце в келлии безмолвной и несветлой и, собрав ум от внешнего обычного парения и скитания и пореяв в сердце воздух чрез ноздренное вдыхание, говори молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя,* вместе с дыханием совокупно сводя как бы и слова молитвы, как говорит святой Исихий: с ноздренным вдыханием твоим соединяй трезвение и Иисусово имя (***Исих.***, гл. 89). С молитвою же вместе помни суд и воздаяние за благие и злые дела и от всей души считай себя грешнее всех человек и потом представляй, как будешь мучиться вечно, — и с которым из сих помышлений придет к тебе

умиление и плач и слезы, на том и останавливайся, доколе не отойдут те сами собою. Если же ты еще не сподобился сего дара слез, то подвигнись и со смиренною мыслью помолись, чтобы стяжать их, ибо ими очищаемся от скверны и страстей и делаемся причастниками благ и спасения, как говорит Лествичник: как огонь потребляет тростник, так слеза – всякую скверну и видимую и мысленную (Степ. 7); и другой Отец: желающий истребить злобу истребляет плачем; и желающий стяжать добродетель плачем стяжает. И если не имеешь умиления, то знай, что имеешь тщеславие, ибо оно не дает душе иметь умиления. Если же не придут слезы, то сиди, внимая сим помышлениям и с молитвою, час один, потом встань и со вниманием пой повечерие малое и после опять сядь и твори молитву, по силе твоей, чисто, то есть без попечения и без всякого помысла и мечтания, с великим трезвением, полчаса. Потом, осенив знамением честного и животворящего Креста себя и одр свой, сядь на оный и, пришедши в себя, помышляй о будущих наслаждениях и мучениях, о тленной прелести временного, также о внезапном и общем долге, то есть о смерти и о страшном истязании по кончине и еще прежде кончины (мира), и, сколько воз-

можно, воспомянув кратко о всех грехах твоих и усердно помолясь об отпущении их, строго испытав себя, как провел ты прошедший день, ляг, держа молитву, как сказано: памятование об Иисусе да спит с тобою. Усни часов на пять или шесть; впрочем, смотря по продолжительности ночи, спи умеренно.

Востав от сна и благословив Бога и опять призвав Его на твое заступление, начни первое дело, то есть молиться чисто и без парения, до одного часа, ибо тогда ум бывает как-то особенно тих и безмятежен. Почему нам и заповедано приносить в жертву Богу первое и лучшее, то есть первые мысли, сколько возможно, неуклонно возводить к Господу нашему Иисусу Христу в сердечной чистой молитве. Ибо св. Нил говорит: того молитва совершенна, кто все первые мысли свои посвящает Богу (***Нил.*** О молит., гл. 120). После того пой полунощницу. Если же ты еще не утвержден в совершенном безмолвии и потому не можешь делать так, как сказали мы, или почему-либо другому, что часто случается с начинающими еще таковое делание и даже, хотя изредка, с преуспевшими, но еще не достигшими совершенства, ибо совершенные все могут о укрепляющем их Христе, то, востав от сна, сколько

можешь, сначала пой трезвенно полунощницу со всяким вниманием и разумом. Потом сядь и молись в сердце, как показано, трезвенно и без парения, один час или сколько подаст тебе Податель благих. Ибо Лествичник говорит: ночью занимайся наиболее молитвою, а псалмопением менее; днем же делай по силам твоим. Если же и при таком подвиге примечаешь в себе леность и уныние и смущение в уме от чего-нибудь, то встань и понудь себя к молитве, как знаешь; потом сядь и старайся молиться, как показано, заботясь всегда о том, чтобы с чистым Богом беседовать чистою душею. После того встань и разумно пой Шестопсалмие, 50-й псалом и канон, какой хочешь. Потом сядь и, бодрствуя, чисто помолись полчаса; и опять встань и пой Хвалитны, обычное славословие, первый час и затем сотвори отпуст. Произносимое устами говори с таким повышением голоса, чтобы слышно было только ушам твоим, потому что плоды уст повелено нам приносить Богу, от всей души и мысли благодаря человеколюбивого и попечительного и мудрого Бога нашего, по бесконечной Своей милости сподобившего нас невредимо прейти пучину прошедшей ночи и увидеть светлое поприще настоящего дня, и также усердно прося, да дарует нам невол-

нуемо миновать мрачную и свирепую бурю бесов и страстей и помилует нас.

Время от утра до обеда, всего себя, по возможности, предав Богу и помолившись Ему сердцем сокрушенным и смиренным помочь тебе немощному и унылому и беспроизвольному, провести в молитве чистой, сердечной и непарительной и в чтении. Назначенное тебе уставом из Псалтири, Апостола и Св. Евангелия читай стоя; так же поступай при молитвах к Господу нашему Иисусу Христу и Пресвятой Богородице; во время чтения других святых писаний сиди. После того разумно пой обычные часы, учителями Церкви премудро уставленные, всею силою души избегая праздности, учительницы всякого зла, со всеми страстями и причинами их, хотя бы они казались малыми и безвредными.

После обеда, как прилично подвизающемуся, по заповеди божественного Павла, яко *подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25), прочитай довольно из отеческих писаний, особенно о трезвении. Потом час один поспи, если дни велики; затем, встав, займись рукоделием, держа и молитву. После того помолись, как указано; потом сядь и молись чисто и непарительно до вечера и тогда пой обычную вечерню и сотвори от-

пуст, от чистого сердца веруя, что по труду и попечение о добродетели и по мере делания нашего подает нам Бог дары и почести и извещение и утешение, как говорит божественный Псалмопевец: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19), и Спаситель: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), и великий Павел: *понеже со Христом страждем да и с Ним прославимся: непщую бо, яко недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 17, 18). (***Калл. и Игнат.***, **гл. 25, 26, 27, 37**)

Не думай, благочестивый читатель, что св. Отцы и учители благочестия, повелевая нам упражняться в умной молитве, возбраняют нам продолжительное внешнее пение и унижают важность псалмов и канонов. Не так. Потому что Святой Церкви заповедано сие Духом Святым, и все священнодействия ее оглавляются рукоположением и носят в себе таинство строительства Бога Слова до второго Его пришествия, а вместе и таинство нашего воскресения. И в обрядах церковных нет ничего человеческого, но все есть дело благодати Божией, не возвышающееся нашими достоинствами и не умаляющееся грехами нашими. Но нам слово не о чинопо-

ложении церковном, а об особенном каждого монаха правиле и жительстве, то есть об умной молитве, которая привлекает благодать Святаго Духа посредством прилежания и сердечного делания, а не одними псаломскими словами, без внимания умного, только устами и языком поемыми, как говорит апостол: *хощу пять словес умом моим глаголати, ... нежели тмы словес языком* (1 Кор. 14, 19). Ибо прежде должно очищать ум и сердце таковыми пяточисленными словесами, непрестанно говоря во глубине сердца: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя* – и таким образом восходить к пению разумному, потому что молитву сию в блюдении сердца может совершать всякий новоначальный и страстный, но пения никак, доколе не предочистится ею. Посему Св. Григорий Синаит живущим в нем Святым Духом, паче всех подробно исследовав и рассмотрев жития и писания и правила духовные, все попечение иметь повелевает о молитве. Тот же Дух и дар имея, св. Симеон, архиепископ Солунский, заповедует и советует всем: архиереям, священникам, монахам и мирянам — во всякое время и каждый час говорить сию священную молитву и дышать ею, ибо нет, говорит он с апостолом, крепчайшего оружия ни на

небеси, ни на земли, паче имени Иисус Христова.

Знай же и сие, добрый рачитель сего священного умного делания, что не только в пустыне или в уединенном отшельничестве, но и в великих Лаврах и посреди градов были учители и многие делатели сего умного священнодействия. И достойно удивления, как Святейший Патриарх Фотий, взятый на Патриаршество от сенаторского чина и не бывший монахом, на такой высокой степени обучился сему умному деланию и так преуспел в нем, что, по словам Симеона Солунского, лицо у него, как у второго Моисея, просияло от бывшей в нем благодати Духа Святаго. И свидетельствует (св. Симеон) о нем, что написал он и книгу о таковом умном делании всепремудрым художеством философским. Говорит также, что и Иоанн Златоуст, Игнатий и Каллист, Святейшие Патриархи того же Царя града, написали свои книги о сем же внутреннем делании. И что тебе нужно еще, чтобы, отложив всякое сомнение, коснуться обучению умного внимания? Если скажешь: я не отшельник, — пример тебе Святейший Патриарх Каллист, обучившийся умному деланию в великой Лавре Афонской, проходя поваренную службу. Если же скажешь, что ты не в глу-

бочайшей пустыне, – другой тебе пример – Святейший Патриарх Фотий, обучившийся искусству сердечного внимания еще до степени патриаршеской. Если свою леность касательно умного трезвения оправдываешь данным тебе послушанием, – то достоин ты смеха. Ни пустыня, ни житие уединенное не способствуют успеху в сем делании столько, сколько послушание в разуме, как говорит Григорий Синаит. Если ссылаешься на то, что не имеешь учителя таковому деланию, – Сам Господь повелевает учиться из Писания: *испытайте Писания, яко вы мните в них имети живот вечный* (Ин. 5, 39)*.

Знай, что никто не может удержать ума своего сам, если не удержит его Дух, ибо неудержим он, не по природе, как имеющий непрестанное движение, но от нерадения и рассеянности, которые усвоил себе и к которым привык он от начала. Ибо преступлением заповеди удалились мы от возродившего нас Бога потому, что утратили в своем чувстве умное ощущение Его и соединение с Ним. Лишась этого и удалившись от Бога, ум водится всюду, как пленник. И невозможно ему придти в другое состояние, доко-

* Так пишет старец схимонах Василий, спостник и друг блаженной памяти о. Паисия, в Предисловии к книге св. Григория Синаита.

ле не покорится Богу и не перейдет под державу Его, доколе не соединится с Ним в веселии, не будет молиться Ему часто и с терпением и умно на всякий день, во всех грехах исповедываться пред Ним, отпущающим вскоре все просящим во смирении и сокрушении и непрестанно призывающим Святое имя Его, как говорит Давид: *исповедайтеся Господеви, и призывайте имя Его* (Пс. 104, 1). Итак, когда придет действо молитвы, то поистине держит оно его у себя и веселит и не дает ему быть отводиму в плен. Впрочем, бывает, что и в то время, как ум молится и в сердце пребывает, мысль парит и занимается другим. И она никому не послушна, кроме совершенных в Святом Духе, которые достигли непарения о Христе Иисусе.

Из новоначальных никто не может отгнать помысла, если не отженит Бог, ибо только сильные могут вести с ними брань и прогонять их. Но и они оттоняют их не сами по себе, но воздвигаются на брань против них Богом, быв облечены в Его всеоружие. А ты, когда приходят помыслы, (вместо оружия) призывай Господа Иисуса часто и с терпением, — и они отбегут, ибо от теплоты сердечной, исходящей от молитвы, бегут они, как от огня. Иисусовым именем, говорит Лествичник, бей супостаты, ибо Бог наш

есть огнь, поядающий злобу; скорый в помощи Господь не умедлит отмстить за вопиющих к Нему от всей души день и ночь. Не имеющий же действа молитвы побеждает их (помыслы) иным образом, подражая Моисею, ибо когда он встанет и простред руки и очи свои к небу, Бог прогоняет их. Потом сев, таковый опять начинает молитву с терпением, и делает так не только не стяжавший силы молитвы, но и тот, кто имеет действо молитвы против телесных страстей (я разумею леностное уныние и блуд, — сии жестокие и самые тяжкие страсти), часто вставая и простирая руки с прошением помощи против них. Но делает он так на краткое время, боясь прелести, и опять садится, чтобы враг, при его взирании вверх, не представил уму его мечты, то есть показав призрак истины. Ибо иметь ум и горе и долу, и в сердце, и соблюсти его повсюду непогрешающим и невредимым свойственно одним чистым и совершенным.

Итак, одни говорят мало, другие много, а иные вовсе ничего не говорят. А ты не пой много, ибо от того происходит смущение, но и не оставляй пения совсем, опасаясь последующего за тем расслабления и нерадения. А подражай поющим мало. Мера всегда прекрасна, по учению мудрых. Много петь

принадлежит делательным, чтобы приучить разум к труду, а не безмолвникам, для которых довольно молиться имея в сердце одного Бога и уклоняясь от помышлений, потому что, как говорит Лествичник, безмолвие есть отложение помышлений и чувственных и умных. Ибо ум, истощив всю силу свою в пении, изнемогает и бывает не в состоянии молиться крепко и с терпением. Ночью, говорит Лествичник, давай времени больше молитве, а пению меньше; так делай и ты. Когда увидишь, что во время сидения твоего молитва действует непрестанно в сердце твоем, не оставляй ее и не вставай на пение, доколе, по смотрению Божию, не оставит она тебя. Ибо в таком случае, оставив Бога внутренне, беседуешь с Ним внешне, сошедши от высоких к находящимся долу, потому что возмущаешь свою молитву и нарушаешь тишину ума; а безмолвие, по самому названию, имеет и дело такое, которое совершается в мире и тишине, поелику Бог мир есть, выше всякой молвы и всех воплей. И пение наше, по жительству нашему, должно быть ангельское, а не плотское. Ибо пение гласное есть выражение пения умного и дано нам ради лености и невежества нашего, чтобы возводило нас к истинному. Не знающим молитвы, которая есть источник добродете-

лей, как пишет Лествичник, должно петь много и без меры, изменяя пение непрестанно, нимало не останавливаясь, доколе, продолжительным и болезненным деланием, не войдут в видение, обретши умную молитву, действующую внутри их. Иное занятие в безмолвии, и иное в общежитии; и всякий спасется, пребывая в том житии, в которое кто призван. Но писать боюсь ради немощных, видя тебя среди их. Ибо всякий, трудящийся в молитве понаслышке или по собственному разуму, погибает, как не стяжавший наставника. А кто вкусил благодати, должен петь в меру, как учили Отцы, а более трудиться в молитве; разленившись же, должен петь или читать нравственные наставления Отцов. Ибо кораблю не нужны весла, когда ветр надувает паруса – когда Дух подает доброе веяние, чтобы переплыть море страстей; а когда стоит, то влекут его веслами или ладьями. Если же кто из-за любви к спору укажет на святых Отцов или на некоторых здесь, говоря, что они соблюдали всенощное стояние и непрестанно занимались псалмопением, — отвечаем, что не у всех все совершенно, по недостатку тщания и по изнеможению сил, но и малое не всегда мало для великих, и великое у малых не всегда совершенно; у совершенных

же все делается легко, ибо не все делатели были одинаковы всегда — ныне и древле, и не все шли одним путем или удержались на нем до конца. Ибо многие от делания пришли в видение и оставили все, субботствуя по духовному закону, и о едином Боге веселились, насытившись Божественною пищею и забыв пение и всякое другое поучение, потому что благодать привела их до времени в исступление и они отчасти достигли конца желаний, как бы в залоге. Другие спаслись, находясь в делании до кончины и ожидая воздаяния в будущем веке. Некоторые получили извещение о спасении своем при смерти или во свидетельство сего возблагоухали по смерти, имея благодать Крещения, как и все, и живя с нею тайно, хотя по причине пленения ума и неведения своего не сподобились особенного действа благодати. Иные благоискусны в том и другом, то есть и в пении и в молитве, и живут так, имея в себе обильную благодать присноодвижущуюся и никогда ни в чем не встречая препятствия. Другие, даже при всей необразованности, до кончины соблюли безмолвие, прекрасно довольствуясь только молитвою и, как одни, с одним Богом соединившись. Совершенные же, как сказали мы, всё могут *в укрепляющем* их *Иисусе Хри-*

сте (Флп. 4, 13) (***Григ. Син.*** **О безмолвии, гл. 3–5**).

Божественный Григорий Синаит встретился однажды с блаженным Максимом и, беседуя с ним, между прочим спросил его: «Молю тя, отче мой честнейший, скажи мне: держишь ли ты умную молитву?» Он же, поникнув главою, осклабился и сказал: «Не скрою от тебя, честный отец, того чуда, которое совершилось надо мной от Матери Божией. От юности моей имел я великую веру к Госпоже моей, Богоматери, и молился к Ней со слезами, да даст мне сию благодать умной молитвы. Однажды, со слезами пришедши в храм Ее, усердно к Ней молился о сем. И, приступив со страхом лобызать Божественный образ лица Ее, вдруг ощутил в персях моих и в сердце теплоту, которая не жгла внутренности, но паче услаждала и орошала и располагала душу мою к умилению. С этого времени, отец, сердце мое стало внутренне поучаться в молитве и ум услаждаться непрестанною памятью Иисуса моего и Богоматери, и молитва сия никогда не оскудевала в сердце моем. Прости меня». Божественный Григорий говорит: «Скажи мне, святой отец, когда совершал ты молитву сию: Господи Иисусе Христе и

проч., — было ли когда в тебе Божественное изменение или исступление или некий плод (молитвы) и Святаго Духа?» Божественный Максим сказал: «Для этого отходил я в пустынное место и непрестанно искал безмолвия, чтобы обрести плод молитвы явный и богатый, который есть Божественное рачение и восхищение ума ко Господу». Св. Григорий говорит: «Молю тебя, отче, скажи мне, приобрел ли ты это, о чем сказал?» Божественный Максим, опять поникнув главою, осклабился и сказал: «Дай мне есть и не испытывай прелести». Тогда говорит ему божественный Григорий: «О если бы и я впал в такую прелесть, святой отец! Но молю тебя, скажи мне ясно: во время молитвы, когда ум восхитится к Богу, что ты видишь умными очами? Можешь ли тогда с сердцем возносить молитву?» Святый Максим отвечал: «Никак; но когда благодать Св. Духа придет в молитве и овладеет умом, тогда молитва прекращается, потому что умом овладевает нисшедший на него Св. Дух и ум не может напрягать сил своих, но бывает празден и последует только Духу Святому, куда ни поведет Он его — в невещественный ли воздух Божественного и неизреченного света, или в другое созерцание

восторженное и несказанное, или в беседу Божественную. То есть Утешитель Дух Святый подает утешение каждому по достоинству самовластно, якоже хощет. И это, о чем говорю я, можно видеть ясно в пророках и апостолах, сподобившихся зреть толикие видения, хотя люди и ругались над ними и считали их прельстившимися и пьяными. Так, Исаия говорит: *видех Господа... на престоле высоце и превознесенне... и Серафими стояху окрест Его* (Ис. 6, 1–2). Стефан же первомученик видел *небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога* (Деян. 7, 56). Таким же образом и ныне рабы Христовы сподобляются зреть различные видения, которым иные не веруют и никак не признают за истинные, но считают за прелесть и видящих оные называют прельстившимися. Много удивляюсь, как ослепленные в душе не веруют благодати Духа, древле предвозвещенной Иоилем, который от лица Божия сказал: *излию от Духа Моего на всяку плоть, ... и прорекут* (Иоил. 2, 28). Христос и ныне всегда подает ее и будет подавать даже до скончания века, по обетованию Своему, всем верным рабам Своим. Благодать сия показывает уму не что-либо обыкновенное или чувственное, принадлежащее к

миру сему, но тайноводствует его к тому, чего прежде никогда не видал он и не воображал. Тогда таинственно научается он таинствам высоким и сокровенным, которых, по учению божественного Павла, ни око человеческое видеть, ни ум постигнуть сам собою не может. А чтобы знать тебе, как видит их ум наш, внимай, что я скажу тебе: воск, когда лежит далеко от огня, жесток, и его можно брать руками; но если положить его в огонь, растопляется, возжигается и горит, делается весь светом и таким образом распускается в сем пламени, — и ему невозможно не растопиться в пламени и не сделаться, как вода; так и ум человека, оставаясь один, вне соединения с Господом, рассуждает по силам своим; когда же присоединится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь овладевается оным Божественным светом и весь соделывается светом, возгорается пламенем Всесвятого Духа, и в сем пламени Божества невозможно ему мыслить о своем и о том, о чем хотел бы». Тогда божественный Григорий говорит ему: «Бывают подобные действия и от прелести». Великий Максим отвечал: «Особенные признаки прелести и особенные — благодати. Лукавый дух прелести, приблизившись, смешивает ум

и делает его свиреповидным, ожесточает и помрачает сердце, производит боязнь и страх и возношение, рассвирепляет очи, возмущает мозг, во всем теле возбуждает трепет, представляет глазам мечтательный свет — несветлый и нечистый, но красноватый, делает ум исступленным и беснующимся, побуждает и язык произносить речи нелепые и хульные. И кто видит сего духа прелести, тот сильно неистовствует и гневается; в том нимало нет благовония смирения или молитвы и слезы истинной; но непрестанно хвалится он своими добродетелями и тщеславится и всегда бесстрашно приобщается страстям своим, наконец совсем исступает из ума и приходит к совершенной погибели. Да избавимся сей прелести твоими молитвами ко Господу! Признаки же благодати таковы: Дух Святый, пришедши, собирает ум, содеЛывая его внимательным и смиренным, научает его постоянно иметь память о смерти, о своих грехах и о вечном мучении, душу делает благоумиленною и плачущею, а очи исполняет кротостью и слезами. И как скоро приближается Он к человеку, смиряет душу, и утешает святыми страданиями Господа нашего Иисуса Христа и безмерным Его человеколюбием, и подает уму высокие

и непрелестные видения. И тогда ум от Божественного оного света приходит в восторг и просвещается просвещением Божественного ведения, сердце становится тихообразно, источая плоды Божественного Духа – радость, мир, долготерпение, благость, милосердие и всесодержащее христоподражательное смирение, – и душа его приходит в неизреченное веселие». Слыша сие, Святый Григорий пришел в исступление, и дивился тому, что говорит божественный Максим, и называл его уже не человеком, но земным ангелом. (Из жития прп. Максима. См. ***Добротол.,* ч. I, лист. 96, на обор.**)

Внимай, я хочу показать тебе, как предохраняться от прелести, чтобы, действуя в неведении, не получить большого вреда и не погубить души, потому что свободная воля человека весьма удобопреклонна к сообщению с сопротивными силами, особенно же у неискусных, на которых они наипаче действуют, ибо бесы находятся близ и вокруг новоначальных и самочинных, распростирая сети помыслов и уготовляя рвы падений и пагубу мечтаний, потому что град их (неискусных) находится под властью варваров. И нечего дивиться, если прельстился кто или исступил из ума, если принял или принима-

ет прелесть, или видит противное истине, или говорит недолжное по неискусству и неразумению. Ибо часто иной, говоря о истине и по невежеству, без сознания, высказывая одно вместо другого, не умеет объяснить дела, как оно есть, и многих приводит в ужас и своими неразумными речами подвергает поношению и смеху безмолвствующих. Новоначальному немудрено прельститься и после многих трудов. Случалось это со многими ищущими Бога и в нынешние и в древние времена. Ибо память о Боге, то есть умная молитва, выше всех деланий; она есть и глава добродетелей, так же как и любовь Божия. И кто хочет внити к Богу с пагубной дерзостью и исповедать Его чисто и силится содержать Его в себе, таковый легко умерщвляется самими бесами, если, то есть, покусится на это. Ибо кто ищет сего смело и дерзко, свыше устроения своего, тот понуждается гордостью достигнуть этого прежде времени. Но благоутробный Господь часто, видя нас дерзающими на высокое, не попускает нам впасть в искушение, чтобы всякий, поняв свое о себе самомнение, вразумился прежде, нежели соделается посмешищем и поруганием для бесов или предметом плача для людей. Напротив сие чудное дело ус-

пешно бывает для ищущего с терпением и со смирением, наипаче же с повиновением и вопрошением искусных, чтобы вместо пшеницы не пожать терния, и вместо сладости не обрести горести, и вместо спасения — погибели. Ибо непрестанно противоборствовать бесам и всегда простирать на них меч духовный, иже есть глагол Божий, свойственно сильным и совершенным. Немощные же и новоначальные, с благоговением и страхом употребляя бегство как твердыню и отказываясь от брани, как не смеющие ратовать прежде времени, убегают от смерти. А ты, если хорошо безмолвствуешь и думаешь быть с Богом, — никогда не верь, если что увидишь чувственно или мысленно вне или внутрь себя, мечтается ли тебе или воображается образ Христов или зрак ангела или святого, потому что ум и сам собою, но природе, имеет способность мечтательную и легко может представлять без осторожности внимающим сему зраки, каких желает, и сам себе наносит вред; кроме того, и самое воспоминание о предметах благих или злых обыкновенно побуждает чувство ума составлять образы и возводить к мечтанию. И тогда таковый бывает мечтатель, а не безмолвник. Посему внимай, что не должно

верить скоро чему-либо, хотя бы это что-либо было и хорошее, без предварительного вопрошания искусных и без долгого испытания, дабы не потерпеть вреда, соблюдая ум свой без образов, без видений и мечтаний. Ибо многие обратили себе во вред и то, что посылал им Бог для искуса, ради венца, поелику Господь хощет испытывать ум наш, куда преклоняется он. И увидевший что-либо в мысли или в чувстве, хотя бы это было от Бога, если поверит сему, не вопросив ведущих, легко прельщается или может прельститься по своей удобопреклонности. Новоначальный должен внимать только сердечному деланию, потому что оно не подлежит прелести, а ничего более не принимать, доколе не утихнут страсти. Ибо Бог не гневается на того, кто с осторожностью внимает себе, опасаясь прелести, без вопрошания не примет и того, что от Него бывает, но похваляет как мудрого, хотя, впрочем, на некоторых и гневался. Но не всех спрашивать должно, а одного, кому вверено управление другими и житием сияющего, следовательно нищего, но многих обогащающего, по Писанию (см. 2 Кор. 6, 10); ибо неискусные причинили вред многим нерассудительным, за которых и дадут они ответ по смер-

ти. Учить других не всем надлежит, а только тем, кому, по слову апостола, дано Божественное *различение духов* (1 Кор. 12, 10), отделяющее худшее от лучшего мечом слова. Каждый имеет свое разумение и рассуждение естественное – деятельное, или художественное, но не все – духовное. Посему сказал премудрый сын Сирахов: *советницы же твои един от тысящ* (Сир. 6, 6). Не легко приобрести и наставника, не могущего прельститься и в делах, и в словах, и в разумении. Не могущий прельститься виден бывает по тому, когда кто имеет Божественным Писанием свидетельствованное и деяние и рассуждение, смиренномудрствуя в том, о чем подобает мудрствовати. Немалого труда требуется постигать истину ясно и быть чисту от противного благодати, потому что диавол (особенно в рассуждении новоначальных) обыкновенно показывает свою прелесть в образе истины, преобразуя свое злое в духовное. Посему желающий в безмолвии достигнуть чистой молитвы должен с великим трепетом и плачем чрез вопрошение искусных руководиться их наставлением, непрестанно плакать о грехах своих, болезнуя и боясь, чтобы каким-нибудь образом не обмануться или не отпасть от Бога и не отлучиться от Него

и в сем и в будущем веке. Итак, когда диавол увидит кого живущего в плаче, не остается там, боясь происходящего от плача смирения. Если же кто, по самомнению, мечтает достигнуть высокого, имея желание сатанинское, а не истинное, то его легко связывает диавол сетями своими, как раба своего. И потому велико оружие — иметь в молитве и плач, чтобы не впасть в самомнение от радости молитвы, но, предпочитая радостопечалие, соблюсти себя от вреда. Ибо непрелестная молитва, теплота с молитвою Иисусовою, которая влагает огнь в землю сердца нашего, попаляет страсти, как терние, и производит в душе тихость и веселие, не приходит ни от десной, ни от шуией страны, или сверху, но в сердце открывается, как источник воды, от животворящего Духа. И одну сию молитву возлюби в сердце своем и возжелай обрести и стяжать, соблюдая ум непрестанно немечтательным, без умствований и помышлений, — и не бойся. Ибо Кто сказал: *дерзайте, Аз есмь, не бойтеся* (Мк. 6, 50), — и Кого мы ищем, с нами находится, всегда защищая нас; и мы не должны бояться и, призывая Бога, воздыхать. Если же некоторые и пострадали, повредившись в уме, то знай, что они потерпели это от самочиния

и высокомудрия. Ибо ищущий Бога в повиновении, с вопрошением и смиренномудрием, не потерпит вреда никогда, по благодати Христа, хотящего всем человекам спастися.

А если и случится искушение, то для испытания и венца, потому что скоро за ним последует помощь от попущающего Бога, ведающего судьбами. Ибо живущий праведно и непорочно и удаляющийся от человекоугодия и высокомудрия, хотя бы весь бесовский полк воздвиг на него бесчисленные искушения, не потерпит вреда, как говорят Отцы. А ходящие дерзостно и самочинно легко терпят и вред. Посему безмолвствующий должен держаться царского пути, ибо за отступлением от него легко следует самомнение, за которым идет прелесть. Удерживай же и дыхание ума, смежив немного в молитве уста, а не дыхание ноздренное, как делают не научившиеся, дабы от надмения не потерпеть вреда. Три добродетели безмолвия должно соблюдать с опасением и ежечасно испытывать, пребываем ли мы в них постоянно, чтобы нам, окрадываемым от забвения, не остаться без них. Это суть воздержание, молчание и самоукорение, то есть смирение. Они объемлют собою все прочие добродетели и одна другой помогают; от

них и молитва рождается и возрастает постоянно.

Что делать, когда бес преобразуется в ангела светлого и прельщает человека?

От человека требуется много рассуждения, чтобы уметь различить между добром и злом. Не скоро вдавайся являемому по легкомыслию, но будь постоянен и со многим испытанием удерживай доброе, лукавое же отметай (см. 1 Сол. 5, 20), ибо должен ты испытывать и рассуждать и тогда уже верить. Итак, знай, что действия благодати, которых бес, если и преобразуется, подать не может, суть: кротость, тихость, смирение, презрение мира, утоление похотей и страстей; а действие врага есть надмение, высокомудрие, ужас и всякое зло. Из действий можешь узнать воссиявший в душе твоей свет, Божий ли есть или сатанин. Фридакс (салат латук) по виду похож на горчицу, и уксус по наружности подобен вину, но посредством вкушения гортань распознает и различает их. Так и душа, имеющая рассуждение, умным чувством узнает дарования Духа Святаго и мечтания от сатаны. (***Григор. Син.*** **О безмолв., гл. 7**)

Когда ум наш начнет ощущать утешение от Всесвятого Духа, тогда и сатана утешает душу мнимоприятным некоторым ощу-

щением во время ночной тишины в минуту, когда человек погружается как бы в самый легкий сон. Итак, если ум в сие время будет иметь живое памятование о святом имени Господа Иисуса и противу прелести употребит вместо оружия сие всесвятое и славное имя, то коварный обольститель удаляется тогда, но после вступает в непримиримую брань с душою. Ум, верно познавая из сего прелесть лукавого, приобретает большую опытность в различении.

Благое утешение бывает или при бодрственном состоянии тела, или в то время, когда оно почти готово погрузиться в сон, — когда кто теплым памятованием о Боге как бы связал себя с любовью к Нему. Напротив, ложное утешение всегда бывает тогда, когда подвижник, при непосредственном памятовании о Боге, находится, как я сказал, в каком-то легком сне. Ибо первое, как происходящее от Бога, хочет воззывать к любви души подвижников благочестия явно — при обильном излиянии души. Второе напротив, поелику всегда обвевает душу ветром какого-то прельщения, старается похитить чрез сон телесный опытность чувства у ума, имеющего здравое памятование о Боге. Итак, если ум, как я сказал, будет в то время вни-

мательно памятовать о Господе Иисусе, то рассеевает оное мнимоприятное веяние врага, с радостью вступает с ним в брань, и впоследствии славная опытность служит ему твердым после благодати оружием.

Если душа без сомнений и мечтаний воспламеняется любовью к Богу, как бы увлекая за собою и самое тело во глубину сей неизреченной любви, — в бодрственном ли то состоянии, или, как я сказал, когда управляемый святою благодатью склоняется ко сну, — и если она тогда совершенно ни о чем другом не размышляет, как только о том, к чему стремится, то надобно знать, что действует в ней Святый Дух. Ибо она, вся услаждаясь оною неизреченною сладостью, ни о чем другом тогда не может мыслить, поелику радуется какою-то неослабною радостью. Если же ум во время сего действа предается сомнению или займется нечистою какою-либо мыслью, хотя и будет употреблять святое имя к отгнанию зла, а не к возбуждению в себе только любви к Богу, то надобно разуметь, что оное утешение происходит от обольстителя и имеет только вид радости. Ибо вся сия радость бездейственна и не тверда и происходит от врага, который старается растлить душу, когда усматривает,

что ум отличается верностью и опытностью своего чувства. Тогда он утешает душу какими-то, как я сказал, благовидными утешениями, дабы она, наполнив себя сею слабою и влажною сладостью, не могла заметить смешения с нею коварного. Итак, вот признаки, по которым мы можем узнавать духа истины и духа обмана. Подлинно никому не можно вкушать чувством Божественной благости, или чувственно испытать горечь от демонов, если кто не убедит себя в том, что благодать вселяется во глубине ума, а лукавые духи живут в членах сердца. Демоны никогда не хотят, чтобы люди сему верили, дабы ум, точно зная сие, не вооружался против них памятованием о Боге. (***Блаж. Диадох.* Подвижнич. слово, гл. 31, 32, 33**)

В теле подвизающегося и внимающего молитве прежде всего начинаются какие-то движения, как бы взыграния, под кожею, почитаемые некоторыми за прелесть. Возбуждается иногда теплота от чресл, как бы опоясующая их; и сие считают прелестью. Но это не прелесть, а дело естественное, происходящее от подвига. Если кто считает это за действие благодати, а не за действие естественное, то это поистине прелесть. Подвизающемуся не должно любить ни той, ни

другой, но должно отражать их. Есть еще теплота, исходящая из сердца, и если при ней ум склоняется в блудные помыслы, то она подлинно есть прелесть. Если же от сердца все тело растеплевается и ум остается чист и бесстрастен и как бы прилеплен во внутреннейшей глубине сердца, то это есть подлинно действие благодати, а не прелести. Иногда бывает, что у испытывающего это от большой теплоты в теле бывает и пот; и тогда движется от сердца святое действо, которое подъемлет ум, как некий лист, от сердца и движет из внутренностей, так что он, как бы прилипнув к сему Божественному действу, часто вопиет: «Иисусе мой, Иисусе мой!» и не может выговаривать всего: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» — по причине частых отверзений сердца, но говорит только: «Иисусе мой!» А те, которые говорят, что в таковом устроении совершают они всю молитву, прельщаются, ибо когда ум, как сказали мы, прилепится Божественному действу, погрузившись внутрь сердца, не может говорить более, как только: «Иисусе мой!» Тогда от сей святой молитвы возбуждается и восторг с великим утешением, рождающимся от святого действа. Тогда льется и истекает от сердца и

слеза, усладительнейше текущая из очей. И это есть радостопечалие. Тогда и сердце кипит от оного сильного священного действа, и все тело разгорячается. Ум же в восторге (в ужасе) вопиет: «Господи, помилуй!» И как елей, сильным огнем разогреваемый в полном сосуде, от сильного кипения изливается вон, так бывает и с сердцем — когда воскипит оно от Божественного действа, разливает и в теле теплоту и распаляет его. Испытывающий сие чувствует тогда, что внутренности его как бы скачут вон. Бывает, что в находящемся в таковом состоянии совершаются некоторые и другие дивные вещи: внутрь себя видит он озарение, освещающее его паче солнца и от сердца разливающее свет. Внутри сердца совершаются тогда и другие таинства, которых нельзя и писанию предать. Ибо ум видит всю тварь и, от движения святого действа и от созерцания Божественных таинств пришедши в ужас, из глубины сердца воссылает славословия, которых на письме изъяснить не могу. Ибо тогда весь человек обожается Божественным оным движением и бывает вне всего вещественного и чувственного. Приходит в неудержимую радость, как упоенный многим вином. Потом восхищается в Божественные

видения и видит страшные таинства, которых описать не могу, ибо ум видит видения Божественные и вместе наслаждения праведных и райские красоты. И поколику человек очищается от прилогов вражеских, потолику видит все более и более, как подает ему Всесвятый Дух. (***Каллист. Патр. Конст.* Образ внимател. молитвы**)

Кто объяснит сладость меда не вкусившим его? но несравненно более невозможно объяснить сладость Божественную и веселие преестественное и жизноточное, от сердечной, чистой и истинной молитвы источающееся и непрестанным потоком льющееся, как учит Богочеловек Иисус: *иже пиет от воды, юже Аз дам ему.., будет в нем источник воды текущ в живот вечный* (Ин. 4. 14.); и еще: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне, и пиет. Веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе*, говорит Наперсник, *Егоже хотяху приимати верующии во имя Его* (Ин. 7, 37–39); и великий Павел: *посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша вопиюща: Авва Отче!* (Гал. 4, 6). – Сия сладость преестественная и жизноточная есть и существенное сияние и паче света мрак и красота недомыслимая и желание крайнейшее, зрение и боговидение и обоже-

ние. Так она таинственно названа древними, потому что остается необъяснимою и после того, как сказано будет что-нибудь в ее объяснение, и недоведомою и после того, как несколько уведается, и непостижимою — и после того, как будет несколько постигнута. Дионисий Великий говорит: мы желаем прийти в сей превысший света мрак и невидением и неразумением увидеть и уразуметь Того, Кто выше видения и разумения, увидеть тем самым, чтобы не видеть и не разуметь, ибо это и есть истинно видеть и разуметь и пресущественно воспевать Пресущественного чрез устранение из мыслей всего сущего. Также Божественный мрак есть неприступный свет, в котором, по словам Писания (см. 1 Тим. 6, 16), живет Бог; и поелику Он от чрезмерного сияния невидим и от преизбытка пресущественной светлости неприступен, то и приходит к Нему только тот, кто удостаивается знать и видеть Бога тем самым, чтоб не видеть Его и не обнимать разумением, и кто, истинно обретаясь в Нем, сущем выше видения и разумения, познает, что Он выше всего чувственного и мыслимого. И Василий Великий: подлинно неизреченны и неисповедимы сияния Божественной красоты; не может их ни слово

изобразить, ни слух принять. Если представишь и сияние денницы, и светлость луны, и даже свет солнца, — все это ниже подобия славы Божественной и в сравнении с истинным светом еще недостаточнее, нежели глубокая ночь и густая тьма в сравнении с яснейшим полуднем. Сия красота для плотских очей невидима и постигается только душою и мыслью, и если кого из святых осияла она, то оставила в них нестерпимое жало любви, так что они, сетуя на здешнюю жизнь, говорили: *увы мне, яко пришелствие мое продолжися* (Пс. 119, 5). Также: *возжада душа моя к Богу Крепкому, Живому: когда прииду и явлюся лицу Божию?* (Пс. 41, 3). И: *еже разрешитися и со Христом быти, много паче лучше* (Флп. 1, 23); и: *Ныне отпущаеши раба Твоего Владыко... с миром* (Лк. 2, 29), — здешнюю жизнь почитая темницею. Они, не могши насытиться видением красоты Божественной, молились, чтобы это видение светлости Господней продолжилось во всю вечную жизнь. И Богослов: где страх, там соблюдение заповедей; а где соблюдение заповедей, там очищение плоти от застеняющего душу облака, не дающего ей ясно видеть Божественный луч; а где очищение, там осияние; а где осияние, там исполнение величайших

желаний для тех, кто желает величайшего, что превыше всего великого. И божественный Григорий Нисский: если добрым житием очистишь наросшую на сердце твоем скверну, то воссияет тебе опять боговидная красота, как бывает на железе, ибо когда оселком снята будет с него ржавчина, тогда оно, быв до сего черно, издает блеск, испуская из себя пред солнцем некоторое сияние. Так и внутренний человек, которого Господь называет сердцем, когда соскоблит ржавую нечистоту, образовавшуюся на нем от зловредной и гнилой влаги, опять примет началообразное подобие и становится благим, потому что за благом всегда следует подобное благо. И святой Нил: блажен, кто достиг неразумия, неразлученно с молитвою. И Лествичник: бездна плача узрит утешение, чистота сердца приимет просвещение; просвещение же есть неизреченное действо, видимое невидимо и разумеваемое недоведомо. Посему преблаженны, подобно древней Марии, избравшие благую часть и жительство духовное и неотъемлемое и сподобившиеся того благого богоподобного жребия, что в великой и восторженной радости могут с божественным Павлом явно и ужасаться и вместе взывать: *егда благодать и челове-*

колюбие явися Спаса нашего Бога, не от дел праведных, ихже сотворихом мы, но по Своей Его милости, спасе нас банею пакибытия и обновления Духа Святаго, Его же излия на нас обильно Иисус Христом, Спасителем нашим, да оправдившеся благодатию Его, наследницы будем по упованию жизни вечныя (Тит. 3, 4–7); и еще: *помазавый нас... и запечатлев и даде обручение Духа в сердца наша* (2 Кор. 1, 21); и: *имамы же сокровище сие в скудельных сосудех, да премножество силы будет Божия, а не от нас* (2 Кор. 4, 7). Они так чувствовали, да сподобимся же и мы их богоугодными к Господу молитвами соделаться отчасти подобными им, милостью и благодатью Божиею. (***Каллист. и Игнат. Ксанфоп.*, гл. 75, 76**).

Душеполезная повесть

В наше время жил в Константинополе один молодой человек лет двадцати по имени Георгий. Лицом был он весьма пригож и имел вообще такую наружность, что многие были дурного мнения о нем, особенно те, которые, смотря только на внешность человека, осуждают всякого, не зная внутреннего состояния, и становятся безрассудными судиями других. Этот юноша познакомился с некоторым иноком, мужем благочестивым, который жил в одном из константинопольских монастырей. Открывая ему все тайны сердца своего, сказал он между прочим, что желает спастись и имеет крепкое намерение выйти из мира и быть иноком. Честный старец похвалил его таковое намерение и, сде-

лав ему нужное наставление, дал прочесть книгу святого Марка Подвижника о *Законе духовном.* Юноша взял книгу с такою любовью и с таким благоговением, как бы она была послана ему от Бога, — и с такою верою, что надеялся непременно получить от нее величайшую пользу.

Пришедши домой, он тотчас начал читать ее с великим вниманием и прочитал ее всю с глубоким благоговением три и четыре раза и не выпускал из рук дотоле, пока не получил от нее великой пользы, как надеялся. Впрочем, преимущественно избрал в ней три правила, напечатлел оные на сердце своем и поставил себе за непременную обязанность выполнить их самим делом и соблюсти со всею точностью. В первом правиле сказано: если хочешь найти исцеление души твоей, то нужно тебе иметь великое старание и попечение хорошо хранить совесть свою, чтобы она ни в чем не обличала тебя; и что́ совесть твоя называет тебе добром, все то делай; не отягчайся, но делай, — и тогда найдешь великую пользу. В другом правиле сказано: кто желает получить дары Святаго Духа прежде исполнения заповедей Божиих, тот подобен купленному рабу, который просит у господина своего свободы в тот самый час, как господин отдает цену в уплату за него. В тре-

тьем правиле сказано: кто молится устами, но не стяжал еще разума духовного и не умеет молиться умом, подобен тому слепому, который взывал: *сыне Давидов, помилуй мя!* Но кто стяжал разум духовный и молится умом и отверз очи души своей, тот подобен тому же слепому, когда исцелил его Господь от слепоты, когда получил он свет очей своих и увидел Господа и уже не называл Его сыном Давидовым, но исповедал Сыном Божиим и поклонился Ему, как надлежало. Сии три правила очень полюбил тот юноша, имел великое к ним благоговение, твердо убежден был в душе своей и несомненно верил, что, если будет хорошо внимать совести своей, как говорит св. Марк, приобретет великую пользу; что, если будет хранить заповеди Божии, насладится дарами и силою Св. Духа; и наконец, благодатью Св. Духа сподобится отверсть очи души своей и видеть мысленно Господа.

Когда таким образом он надеялся, что может увидеть неизреченную красоту Господню, сердце его уязвилось любовью к сей красоте, и возбудилось в нем сильное стремление к ней. И он ничего более не делал, как после уверял меня с клятвою, кроме того только, что каждый вечер, отходя ко сну, творил прежде молитву и полагал по-

клоны, заповеданные ему святым старцем, потом ложился на одр. По прошествии некоторого времени, в один вечер, когда тщательно внимал он совести своей, по правилу оного старца, совесть говорит ему, чтобы сотворил он и другую молитву и другие поклоны и говорил: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», многократно, сколько может. С великим усердием повинуясь сему гласу совести, без всякого сомнения начал Георгий исполнять это, веруя, что Сам Бог повелевал ему сие делать. И после того он уже не ложился спать, пока не сотворит того, что по внушению совести мог сделать.

Когда он таким образом повиновался совести своей и постоянно просвещался ею при внушении ее, чтобы он упражнялся в этом более и более, в короткое время так усилилось в нем расположение к молитве, что он совершал ее, как сказали мы, каждый вечер. Поелику днем не имел он свободного времени молиться, так как управлял всем домом некоего великого князя, где имел много занятий и дел, и, кроме того, каждый день ходил в царские палаты и не оставалось ему времени молиться днем, то молился, как сказали мы, по вечерам, когда отходил ко сну.

Сердце его начало согреваться и приходить в умиление; стал он проливать обиль-

ные слезы, творить частые коленопреклонения и говорить многие молитвы к Богоматери с воздыханием и болезнью сердечною. И помышляя, что телесно стоит пред Господом, припадал к пречистым ногам Его и молил Его со слезами, да умилосердится над ним, как над тем слепым, о котором говорит Священное Евангелие, и да дарует свет очам души его. Со дня на день его расположение к молитве, которую совершал он каждый вечер, так усиливалось, что продолжал он ее до полуночи и когда молился, стоял неподвижно, как некий столп, совершенно не двигая ни ногами своими, ни другой какой-либо частью тела своего, и не обращал очей своих туда или сюда, чтобы посмотреть на что, но стоял с великим страхом и трепетом, без всякой дремоты, без скуки и без лености.

В один вечер, когда молился он и мысленно говорил умом своим: «Боже, милостив буди мне грешному», – внезапно озарило его некое Божественное осияние, – и юноша оный, то есть Георгий, исполнился света и пришел в исступление, забыл самого себя и не знал, в храмине ли находится, потому что всюду видит свет, и, будучи вне себя, не понимал, на земле ли он стоит или на воздухе. Совершенно не имел никакой мысли о телесном и мирском, но вовсе забыл весь

мир, весь изменился, соединился с Божественным оным светом, и ему казалось, что и сам он соделался светом; весь исполнился слез и радости неизреченной. Потом ум его восхищен был на небо, и там видел он свет гораздо светлейший и в оном свете узрел стоящего старца, который, как сказали мы, дал ему книгу аввы Марка и правило, которое исполнял юноша.

Услышав сие от юноши, я уразумел, что в сем случае весьма много действовала молитва святого старца, и Бог устроил так для того, чтобы показать юноше, какой высокой добродетели достиг сей святой старец, которого видел он стоящим в оном свете.

Когда видение кончилось и юноша опять пришел в себя, тогда исполнился он, как сам говорил, радости и ужаса, проливал сердечные слезы и с сими слезами вместе ощущал в сердце своем великую сладость. Потом лег он на одр, чтобы немного уснуть, но тотчас возгласил петел, и тут же начали благовестить при церквах к утрени. Юноша встал, чтобы по своему обыкновенно прочитать утреню, и в ночь эту вовсе не спал, и сон совершенно не приходил ему и на мысль. Об этом рассказал мне сам юноша и уверял, что ничего более не сделал кроме того, что слышали вы, то есть имел он толь-

ко веру и несомненное упование и чрез это сподобился узреть таковое видение. И никто не говори, что он рассказывал это по тщеславию, потому что, как он признавался, никогда и не думал искать славы, а имел несомненную веру, по которой, отвергши всякий плотский и мирской помысл, имел столь великое тщание хранить совесть свою и исполнять внушаемое совестью, что ко всему мирскому был как бы бесчувственным и даже не имел желания ни пить, ни есть, так что часто пребывал в посте.

Слышите ли, возлюбленные братия, какие дела совершает вера и какую имеет она силу, когда утверждается благими делами? Познали ль, что и юность нимало не вредит нам и старость не пользует, если нет в нас страха Божия? Теперь уразумели ль, что жизнь в мире и в городе не препятствует нам исполнять заповеди Божии, если имеем усердие? равно и удаление от мира и уединение бесполезны для нас, если пребываем в лености и нерадении? Все мы знаем, что у Давида, при толиких попечениях и при управлении царством, ум весь погружен был в Боге, и, удивляясь сему, говорим, что не было подобного Давиду. Но вот, с сим юношею было нечто большее, нежели с Давидом, потому что Давид призван был Самим

Богом, помазан в пророка и царя и получил благодать Св. Духа. И если он, согрешив пред Богом, лишась благодати Св. Духа и достоинства пророческого и удалясь от соединения с Богом, после опять пришел в чувство, и, помыслив о тех благах, которые имел и утратил, старался опять обрести оные, — что в этом удивительного? Удивительно и достохвально то, что сей двадцатилетний юноша, совершенно преданный мирским вещам, которого ум пригвожден был к этому привременному и ни о чем высшем никогда не помышлял, лишь только несколько слов услышал от оного святого старца и прочитал три главы аввы Марка, тотчас уверовал, нимало не сумневаясь в написанном, и исполнил то делом с твердым упованием; и этим малым делом сподобился восхищения ума на небо, преклонил Богоматерь к милосердию и Ее ходатайством пред Богом соделался столь любезен Ему, что Бог свыше ниспослал ему Свой Божественный свет и благодать Всесвятого Духа, могущую укрепить его в достижении блаженства и наслаждения тем светом, которого многие желают, но не многие сподобляются. Кроме того сей блаженный юноша Георгий не постился многие годы, не проводил ночей во бдении, ни других пустыннических подвигов

не проходил на земле; никогда не спал и власяницы не носил, и монахом не был, и из мира не выходил телесно, но только кратковременным бдением и молитвою соделался земным ангелом и человеком небесным. Был он человек по виду и бесплотный по уму, вещественный и невещественный, для всех видимый и пребывающий един с единым Богом Всеведущим. Почему и сподобился видеть оный сладчайший свет мысленного Солнца правды. И достойно, потому что его любовь и стремление к Богу соделали то, что духовно был он вне мира, забыл мир и плоть и все суетные вещи мира, всецело прилепился к Богу и таким образом весь соделался духовным, весь светом, узрел таковое видение и насладился такою сладостью. Наипаче же достойно внимания то, что жил он в городе, и в таком городе, где пребывал в царских палатах и имел притом в доме вельможи начальство над многими невольниками и другими служителями и исправлял важную и многоразличную службу.

(***Симеон Нов. Богослов.*** **Слово о вере**)